

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
Отделение Российского исторического общества
в Республике Коми

*Материалы к научным конференциям
Выпуск 54*

И. Л. Жеребцов

**КОМИ УЧЕНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ ЛЫТКИН:
МЕЖДУ ФИННОУГРОВЕДЕНИЕМ
И ВОСТОКОВЕДЕНИЕМ**

*Материалы к VII Международному научному форуму
«Сетевое востоковедение»
(Элиста, 24–25 октября 2024 г.)*

СЫКТЫВКАР, 2024

УДК 82.09:821.511.132

Жеребцов И. Л. **КОМИ УЧЕНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ ЛЫТКИН: МЕЖДУ ФИННОУГРОВЕДЕНИЕМ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕМ.** Материалы к VII Международному научному форуму «Сетевое востоковедение» (Элиста, 24–25 октября 2024 г.) – Сыктывкар, 2024. – 52 с. (Материалы к научным конференциям. Вып. 54).

В работе рассматриваются жизнь и деятельность видного коми ученого, просветителя и писателя Георгия Степановича Лыткина в период выбора им своего творческого пути. Изложены основные факты его биографии, показана эволюция, которую претерпели творческие интересы Г. С. Лыткина, влияние общих исторических условий в России и конкретных событий жизни Г. С. Лыткина на изменение его творческих планов. Подчеркнут его вклад в востоковедение и, в частности, в исследование калмыцких историко-литературных памятников. Приведены оценки, которые давались работам Г. С. Лыткина в различные периоды времени.

Редколлегия:

И. Л. Жеребцов (председатель), И. О. Васкул (зам. председателя), А. Г. Мусанов (зам. председателя), Н. В. Горинова (отв. секретарь), Н. М. Игнатова, В. Н. Карманов, П. П. Котов, Ю. А. Крашенинникова, Т. Л. Кузнецова, А. М. Мацук, П. Ю. Павлов, С. А. Сажина, М. В. Таскаев, Е. А. Цыпанов, Ю. П. Шабает

Научный редактор доктор исторических наук А. Е. Загребин

Рецензенты:

доктор исторических наук В. И. Меньковский (Минск)
доктор исторических наук Е. Ф. Кринко (Ростов-на-Дону)

Публикация подготовлена в рамках НИР «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (№ ГР 121051400048-0 (2021–2025 гг.)).

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2024

© И. Л. Жеребцов, 2024

Георгий Степанович Лыткин

ВВЕДЕНИЕ

Георгий Степанович Лыткин – одна из двух (вместе с И. А. Куратовым) крупнейших личностей в истории коми культуры XIX в. Жизнь и деятельность этого просветителя, ученого и писателя – его вклад в изучение культуры, быта и истории коми и калмыков, в просветительство, его поэтическое творчество и педагогическая деятельность – привлекали внимание исследователей, с разных позиций рассматривавших различные аспекты его биографии и творческого пути. Статью о Г. С. Лыткине включили в свой знаменитый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон [Лыткин 1896]. Исследовалось литературное творчество Г. С. Лыткина [Лыткин 1976; Ванеев 2000; Ванеев 2001; Демин 1995; Доронин 1965; Лимерова 2017; Мартынов 1991 и др.], его вклад в коми языкознание [Лыткин 1975; Цыпанов 2017; Лудыкова 2010; Костромина 1984; Костромина 1985; Туркин 1998 и др.], роль в становлении коми этнографии [Терюков 2011]. Следует особо отметить публикации видного калмыцкого ученого А. В. Бадмаева, в которых показана деятельность Г. С. Лыткина в Калмыкии, освещен его вклад в изучение культуры калмыков [Бадмаев 1967; Бадмаев 1968; Бадмаев 1969; Бадмаев 1975; Бадмаев 1979; Лунный свет 2003 и др.]. Значение Г. С. Лыткина для калмыковедения отмечено и в ряде других публикаций [История калмыцкой литературы 1981, с. 55; Авлиев 2015; Авлиев 2017; Долеева 2023; Манджиева, Мирзаева 2023; Очирова 2019; Очирова, Бо Менгкай 2020; Сазыкин 2000; Успенский 2000; Сангаджиева 2016; Сангаджиева 2021 и др.]. Во многих исследованиях приведены также те или иные сведения о биографии Г. С. Лыткина [Котылев 2015; Сангаджиева 2012; Жеребцов 2000; Туркин 1999; Забоев 1971; История Коми 2011 и др.]. В силу неоднократных значительных изменений общественно-политической обстановки в стране в XX в. оценки деятельности Г. С. Лыткина и его значения для науки, литературы, просвещения менялись, и зачастую коренным образом [Жеребцов 2024].

При подготовке данной работы использованы материалы Национального архива Республики Коми (документы, касающиеся учебы Г. С. Лыткина в Санкт-Петербургском университете и его экспедиций в Калмыкию [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5], его отца С. И. Лыткина [НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1275], а также рукопись неопубликованной статьи коми ученого и писателя П. Г. Доронина о Г. С. Лыткине [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4]) и Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (здесь хранятся рукопись другого труда П. Г. Доронина, также неизданного [Доронин 1965]), дневник Г. С. Лыткина 1858–1859 гг., фрагменты которого были опубликованы исследователем И. Н. Костроминой [Труд 2004], дорожные записки видного российского историка М. И. Погодина «Астрахань» [Погодин 1867]. О последних следует сказать подробнее. М. И. Погодин познакомился с Г. С. Лыткиным

в Москве в 1854 г. и второй раз увиделся с ним в Астрахани в 1860 г., когда Г. С. Лыткин находился во второй экспедиции. Беседа вызвала немалый интерес М. П. Погодина, и он отметил: «Я пожелал познакомиться поближе со всеми обстоятельствами его жизни, и из материалов, им доставленных, составила следующая любопытная статья, которую я включаю в свои дорожные записки» [Погодин 1867, с. 134]. Очерк М. П. Погодина, напечатанный в «учено-литературном» журнале «Всемирный труд» в мае 1867 г., содержит некоторые сведения о жизни Г. С. Лыткина от его детства до 1861 г. Предполагаю, что именно из очерка М. И. Погодина почерпнул часть информации о биографии Г. С. Лыткина крупнейший коми финно-угровед В. И. Лыткин, еще в начале своей творческой карьеры (в 1926 г.) выпустивший книгу «Коми гижысьяс» («Коми писатели») [Лыткин 1926]. Краткие сведения о жизни Г. С. Лыткина, включая его педагогическую деятельность в столичных учебных заведениях, приводит в своем очерке, опубликованном в журнале «Коми му» в 1927 г., его сослуживец Г. Зоргенфрей [Зоргенфрей 1927]. О своей переписке с Г. С. Лыткиным поведал в своих газетных и журнальных публикациях 1920-х гг. коми поэт, краевед и журналист А. А. Чеусов [Чеусов 1924]. Различные сведения о жизни и деятельности Г. С. Лыткина можно почерпнуть также из других научных работ советского периода и современных исследований. Некоторые сообщаемые исследователями данные противоречат друг другу, что по возможности отмечается в настоящей работе.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ (1835–1848)

Г. С. Лыткин родился 25 мая (6 июня)* 1835 г. в г. Усть-Сысольске, уездном центре Вологодской губернии (ныне Сыктывкар – столица Республики Коми**). Отец, купец 3-й гильдии*** [Погодин 1867, с. 134; НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1275. Л. 2об.] Степан Иванович Лыткин, был весьма состоя-

* В журнале «Регион» ошибочно указана другая дата – 26 мая (7 июня) [Владимиров 2020, с. 49]. На сайте национальной библиотеки Республики Коми [Лыткин nbkomi] также есть неточность: «7 июня (25 мая по старому стилю)». В энциклопедическом словаре школьника «Коми литература» датой рождения указано 22 марта – дата смерти ученого по старому стилю [Коми литература 1995, с. 157].

** К «Пермскому краю», упоминаемому в связи с Г. С. Лыткиным в библиографическом указателе «Ученые – исследователи Калмыкии» [Лыткин 2006, с. 131, 138], Усть-Сысольск и другие населенные коми-зырянскими землями никогда отношения не имели. Относительно территории расселения народа коми на Европейском Северо-Востоке в период до создания Коми автономии принято использовать термин «Коми край».

*** А. И. Терюков и вслед за ним Е. Владимиров пишут, что Степан Лыткин был купцом 2-й гильдии [Терюков 2011, с. 296; Владимиров 2020].

тельным человеком: «ворочал торговыми делами на полмиллиона тогдашних рублей», как вспоминал позднее сам Г. С. Лыткин [ПК, с. 353]. В 1812 г. С. И. Лыткин еще состоял в мещанстве, но уже активно занимался торговлей: вместе с тремя другими усть-сысольскими мещанами он заключил с конторой Кажимских заводов договор на поставку тысячи пудов говядины и закупал для рабочих в Усть-Сысольском и Яренском уездах это мясо, а также коровье масло, сукно и холст [Мацук, Шаньгина 1996, с. 121]. Торговля в Усть-Сысольском уезде активно развивалась [См.: Лейман 2019; Лейман 2023; Лейман И. И. 2024 и др.]. По данным историка Л. И. Суриной, С. И. Латкин* быстро обогатился на транзитной торговле [Сурина 2013, с. 5], которую вел, в частности, через Ношульскую пристань, отправляя товары в Архангельск. Многие купцы, приезжавшие в Ношуль, занимались различного рода благотворительностью (в пользу учебных заведений, учреждений здравоохранения и т. д.). С. И. Латкин в 1844 г. пожертвовал два рубля в пользу детского приюта в Вологде, об открытии которого (при участии купечества Вологодской губернии) сообщил усть-сысольский земский исправник Волков [Лейман 2020, с. 78]. К слову, это был последний год жизни С. И. Латкина и, вероятно, последнее его благое дело.

С. И. Лыткин являлся и землевладельцем – в 1840-х гг. он, в частности, приобрел усадьбу в пригороде у р. Човью (20 десятин земли, жилые помещения, хозяйственные постройки, две мельницы) у перешедшего из купечества в мещанство старинного усть-сысольского рода Сухановых, представители которого вынуждены были распродавать часть своего имущества, погашая накопившиеся долги [Сурина 2013, с. 4–5]. С. И. Лыткин сам любил работать на своей земле. Г. С. Лыткин вспоминал о нем: «Будучи уже 70 лет, сам пахал и учил меня, 8-летнего мальчика, боронить, пахать и сеять; моя мать была отличный косец, отличная хозяйка» [Писатели Коми 1996, с. 353]. М. П. Погодин (очевидно, со слов Г. С. Лыткина) писал, что С. И. Лыткин «не отличался знанием русского языка и грамоты; жена же его почти не слыхала русской речи. Семейство все жило, как истые зыряне, ничем не отличаясь от обыкновенных крестьян и мещан. Георгий Лыткин детство свое, до 13 лет, провел в родной семье и имел возможность сжиться и полюбить эту жизнь простую, мирную, полную труда: с 6 лет он исполнял уже работы, смотря по силе и возможности; с 9 лет был помощником своим братьям в некоторых мелких торговых оборотах» [Погодин 1867, с. 134–135]. Семья была многодетная – у Георгия было семь братьев и две сестры, старшая Анна и младшая Надежда.

---

* В публикации Л. И. Суриной при первом упоминании о Степане Лыткине есть опечатка в фамилии купца: вместо «Лыткин» напечатано «Латкин» [Сурина 2013, с. 5]; в дальнейшем фамилия напечатана правильно – «Лыткин» [с. 9].

А. И. Терюков сообщает, что Г. С. Лыткин «первоначальное образование получил дома под руководством мамы и старшей сестры» [Терюков 2011, с. 296]. Требуется, конечно, уточнить, что понимать под этим «образованием», учитывая, что ни мать будущего ученого Екатерина Петровна, судя по приведенным выше словам М. П. Погодина, ни сестра Анна русскому языку и чтению русских книг научить его не могли, да и сам Г. С. Лыткин вспоминал, что русский язык до обучения в училище не понимал. Зато от своей матушки он слышал «рассказы о святительских подвигах св. Стефана, просветителя вычегодских и сысольских зырян» [Лыткин 1889, с. I]. Возможно, что-то (может быть, коми сказки) ему рассказывала и старшая сестра, хотя об этом Г. С. Лыткин не упоминал. А матушкины рассказы побудили его «охотно посещать Божественную Литургию, хотя она была мне и непонятна, так как совершалась на славянском языке» [Лыткин 1889, с. I]. «В детстве я любил посещать богослужение, совершаемое обыкновенно на славянском языке, и горько, горько плакал, что, по незнанию языка, не понимаю того, что так складно поется и читается в церкви» [Лыткин 1889, с. 16]. М. П. Погодин писал, что «семилетнего Лыткина особенно занимало церковное пение и богослужение», и он стал мечтать «о священническом сане, чтоб впоследствии растолковать землякам все на родном языке» [Погодин 1867, с. 135].

После смерти С. И. Лыткина в 1844 г. семейное купеческое дело возглавил старший брат Осип Степанович [Сурина 2013, с. 9]. Семья располагала достаточно солидными средствами и пользовалась уважением в Усть-Сысольске. Осип Лыткин в 1841–1843 гг. избирался городским головой; позднее, в 1847–1849 гг., ту же должность занимал его брат Петр* [Сыктывкар 2020, с. 639]. Родные дали возможность будущему ученому получить образование. Позднее Г. С. Лыткин писал: «Непонимание церковно-славянского и русского языка вызвало во мне желание сделаться священником, чтобы потом объяснять другим то, что поется и читается в церкви; но так как в духовное училище не принимали детей податного сословия, то, ради изучения, по крайней мере, русского языка, я поступил в Усть-Сысольское приходское <...> училище» в 1844 г., а затем в уездное училище [Лыткин 1889, с. I]. Приходское училище – первое светское учебное заведение в Усть-Сысольске – открылось в год рождения Г. С. Лыткина, уездное – пятью годами позже, в 1840 г. В приходском училище обучались два года. Изучали там Закон Божий (его преподавал законоучитель-священник), «чтение по книгам гражданской и церковной печати», письмо (чистописание) и «первые четыре действия арифметики» (все эти предметы преподавал один

---

* Л. И. Сурина писала, что на такую же должность избирался и их брат Николай [Сурина 2013, с. 9], но это не так. Городским головой избирали другого Николая – Николая Максимовича Латкина [Сыктывкар 2020, с. 639].

учитель). В уездном училище изучали Закон Божий, русский язык, чистописание, арифметику и геометрию, всеобщую и русскую историю, географию, черчение и рисование. Работали в нем смотритель, законоучитель и еще четыре учителя [Сыктывкар 2020, с. 116].

Учиться было непросто. Г. С. Лыткин позднее писал: «И в приходском, и в уездном училищах (1844–48 г.) предметы преподавались на русском языке, нам непонятном, русскими учителями, не знавшими зырянского языка; даже наши почтенные законодатели, родом зыряне, или не могли, или почему-то находили ненужным давать нам объяснения на родном языке. Не понимая смысла русских слов, на русском языке мы зазубривали: краткую священную историю, краткий катехизис, краткую грамматику русского языка, краткую историю всеобщую и русскую, географию и геометрию. Из 50 с лишком учившихся в приходском училище окончили в уездном только 4, из коих двое были зыряне; остальные товарищи не вынесли непосильной работы и вышли, не кончивши курса» [Лыткин 1889, с. I]. Эта ситуация вызвала у Г. С. Лыткина новую идею («новые мечты на старый лад», как выразился М. П. Погодин [Погодин 1867, с.135]): стать «учителем русского языка, чтобы потом научить других этому языку» [Лыткин 1889, с. I]. Ради этого он учился изо всех сил, а преподаватели уездного училища поощряли его усилия книгами и похвальными листами.

К завершению обучения в уездном училище Г. С. Лыткин определился с желанием продолжить обучение в гимназии и затем стать учителем русского языка, дабы просвещать зырянских детей. Однако семья это намерение поначалу не поддержала. Тогда, по словам М. П. Погодина, «перед окончанием курса в уездном училище Лыткин на ломаном русско-зырянском языке объяснил Михаилу Ивановичу Михайлову, учителю русского языка, что он желает поступить в гимназию но что родные не отпускают. Михайлов убедил родных его, вызвался учить его читать по-немецки, по-французски и по-латыни» [Погодин 1867, с. 135]. М. И. Михайлов (1821–1853), преподававший в усть-сысольском училище с 1840 г. до самой смерти, автор серии краеведческих заметок (публиковавшихся, в частности, в журнале «Москвитянин», издававшемся М. П. Погодиным) и стихотворений [Костромина 2000], стал одним из людей, сыгравших важную роль в жизни Г. С. Лыткина.

Г. С. Лыткин в 1848 г. «первым учеником» окончил уездное училище в Усть-Сысольске и в сентябре того же года отправился в Вологду поступать в губернскую гимназию; в самом Коми крае учебных заведений такого уровня не было. 10 лет спустя, 1 сентября 1858 г., находясь в Калмыкии, Г. С. Лыткин записал в своем дневнике: «Сегодня около пяти часов мне минуло ровно десять лет как я выехал из родительского дома <...>. Живю помню свое прощание с родными; мне хотелось остаться дома, хотелось и ехать. Брат Осип, матушка и все родные провожали меня; мне совестно было плакать тогда,

хотя слезы просились на волю. Устьсысольский уездный судья Григорий Романович Цепочкин был сделан советником губернского правления; он выехал из Усть-Сысольска первого сентября 1848 года в восьмом часу вечера, я и Боря Хохряков ехали с его семейством до Вологды. <...> Помню еще и то, что когда я выехал совсем из своего дома в простой телеге до Цепочкина, против Степан-дядьё стан попались коровы, ведомые к реке на водопой; я думал тогда, веруя признаниям матушки, что это добрый признак, что я буду счастлив, буду богат и т.д. <...> Братья провожали только до Зеленца, где мы все ночевали. Оттуда уже я ехал все с Катериной Григорьевной; в нашу повозку попеременно садились, то сам Григорий Романович, то дочь Надежда, то Анненька, с Устюга до Вологды ехала в нашей повозке Мария Федоровна Протопопова, ровесница Катерины Григорьевны (14 лет)» [Труд 2004].

В ВОЛОГОДСКОЙ ГИМНАЗИИ (1848–1854)

Путь до Вологды по рекам Сыsole, Вычегде, Малой Северной Двине, Сухоне и Вологде был долгим. В губернский центр Г. С. Лыткин прибыл только в середине сентября. В 1858 г. он вспоминал: «17 или 18 сентября будет ровно десять лет, как меня привели в гимназию Вологодскую и посадили в первый класс, а потом в понедельник перевели во второй класс». Г. Р. Цепочкин «нас обоих отдал в гимназию; Хохряков поступил в пансион, а я год жил у Цепочкина. В это время такое сильное влияние имела на мое образование дочь его Екатерина Григорьевна, ныне Шульц». «Я ходил в Прилуцкий монастырь (в трех верстах от Вологды) с г. Шульц, – урожденной Цепочкина, с мужем ее и с Серафимой Николаевной Засецкой, урожденной Жеребцовой. Эти женщины много продвинули мое развитие». «Это время было самое приятное; я строил дивные планы о своей будущей жизни. Тут-то я впервые узнал, что кроме нашей грубой, крестьянско-купеческой жизни есть другая жизнь. Вот где начало моего стремления в жизни вперед, вперед» [Труд 2004].

До 1852 г. Вологодской гимназией руководили директор Андрей Васильевич Башинский и инспектор Федор Николаевич Фортунатов (1814–1872). Последний был известен как педагог, автор ряда публикаций по вопросам воспитания и краевед; преподавал в Вологодской гимназии историю, статистику, древнегреческий язык [Агеева 2013; Баев, 2019]. В 1852 г. новым директором гимназии стал Аникита Семенович Власов.

Обучались в гимназии семь лет, но 13-летний Г. С. Лыткин продемонстрировал знания, достойные сразу второго класса, так что его гимназическое обучение заняло шесть лет. «Перескочив» через один год обучения, он затем (в третьем классе) оказался одноклассником видного впоследствии русского педагога, теоретика и практика начального образования Ни-

колая Фёдоровича Бунакова (1837–1904) [Лобанова 1997. № 11. С. 88–92. Лебедев 2012; Елисеев 2013]. Н. Ф. Бунаков поступил в гимназию двумя годами раньше, но, по его собственным словам, «в 3-м классе просидел два года, по лености и малоуспешности» [Бунаков 1909, с. 7]. Он оставил весьма любопытные «записки» о своей жизни, в том числе и о периоде учебы в гимназии, о некоторых своих одноклассниках, в том числе и о Г. С. Лыткине, а также о преподавателях. Нельзя не отметить, что его записки исполнены чрезмерным, на мой взгляд, негативом по отношению к абсолютному большинству персонажей. Поневоле думается, что в записках нашла отражение какая-то обида автора на гимназию, на преподавателей, оставивших Н. Ф. Бунакова на второй год, и на одноклассников, получивших награды и признание, которые ему не достались [Бунаков 1909, с. 7].

Учились гимназисты шесть дней в неделю. Воскресенье было выходным днем. В гимназии давались спектакли, цирковые выступления и другие представления. Гимназисты и сами устраивали спектакли. Один из них поставили на квартире, где жил Г. С. Лыткин. Н. Ф. Бунаков вспоминал: «Я наиболее близок был с моим соседом по месту, П. Н. Фрязиновским, и устьсысольским зырянником Юрием (тогда он назывался Егором) С. Лыткиным». «Не помню, почему и когда именно я сошелся с ним особенно близко. <...>Я часто бывал у него, в его маленькой и низенькой комнатке, в доме Черняевых, существующем и теперь, где он прожил все годы своего гимназического учения. Приходили к нему и другие товарищи. Мы пили чай, спорили, и незаметно пролетали целые вечера. У него же на квартире мы задумали устроить спектакль, вознамерившись изучить и играть «Ревизора». У него производились считки и репетиции. Для спектакля наняли недорогое помещение и принялись за изучение ролей, причем женские роли были поручены женоподобным мальчикам-гимназистам, близнецам Образцовым. Мне досталась роль Хлестакова. Вообще говоря, спектакль сошел сносно, не больше; но «Ревизора» мы, действительно, изучили основательно. <...>. Лы[ткин] не играл, но принимал живое участие в спектакле, а может быть, и он исполнял какую-нибудь роль из уездных чиновников, не помню. На спектакль присутствовал и Власов; потом он зло раскритиковал исполнение и обругал нас за выбор пьесы: по его мнению, следовало выбрать какие-нибудь легонькие водевильчики» [Бунаков 1909, с. 22–23].

Г. С. Лыткин, вспоминал одноклассника М. Ф. Макарова, завершившего обучение с серебряной медалью. Будучи в Калмыкии, он записал в дневнике: «Нередко вспоминаю я покойного Матвея Федоровича Макарова, товарища по гимназии, с которым до отъезда его в Устюг мы нередко ходились вместе, мечтали о том, как поступим в университет – я по филологии, а он по медицине; как впоследствии мы сделаем преобразования в жизни зырян. Тогда нам так сладко мечталось!» [Труд 2004].

В гимназии преподавали закон Божий, русский язык, латинский и древнегреческий языки, «новые» немецкий, французский, английский языки, историю, географию, геометрию, математику, физику, в старших классах – статистику, философию, юриспруденцию, а также учили рисованию, музыке, пению, танцам, военной выправке и маршировке. Н. Ф. Бунаков весьма скептически оценивал большинство гимназических учителей: «Преподавание же в гимназии, у большинства преподавателей, было сухое, состоявшее из задавания и спрашивания уроков по книжке, не возбуждавшее никакого интереса к учению. Большинство учителей отбывали свои уроки, как скучную необходимость, обременительную подневольную повинность, без воодушевления, без любви и к предмету, и к ученикам» [Бунаков 1909, с. 7].

В сравнительном почете в гимназии была история, которая, вспоминал Н. Ф. Бунаков, «ценилась, как удобная арена для упражнений в официальном патриотизме». «В гимназии, по преимуществу, ценилась русская история, а проходила она в официально-патриотическом духе» [Бунаков 1909, с. 12–13]. Существенно важным предметом в младших классах считался русский язык. М. П. Погодин писал, что «во время учения в вологодской гимназии Лыткин занимался преимущественно изучением русского языка и истории» и «особенно уважал младшего учителя гимназии, почтенного Николая Петровича Титова, преподававшего географию и русский язык. Влияние этого наставника, отличавшегося большим педагогическим тактом и снисходительностью к своим маленьким друзьям-ученикам, было весьма благотворно для развития г. Лыткина» [Погодин 1867, с. 136, 138]. В год окончания Г. С. Лыткиным гимназии Н. П. Попов завершил свою 30-летнюю работу в ней. Весной 1859 г. группа выпускников Вологодской гимназии – студентов столичных вузов (Г. С. Лыткин, П. Н. Фрязиновский, Н. А. Андреев, Л. Ф. Пантелеев и др.) отправила Н. П. Титову свой коллективный фотопортрет и письмо с благодарностями за науку [Погодин 1867, с. 136]. Н. Ф. Бунаков также отзывался о Н. П. Титове с уважением: «Человек живой, исполнявший свое дело с любовью и огоньком. Старый холостяк, совершенно одинокий, но с любящим сердцем, он всю любовь свою положил в дело преподавания. У него учились охотно, внимательно сидели в класс и кое-чему научились даже отпетые лентяи и шалуны, даже неспособные тупицы. Всех увлекало его воодушевление; всем нравились его интересные географические рассказы, дополнявшие и иллюстрировавшие сухой учебник» [Бунаков 1909, с. 7–8].

В старших классах Вологодской гимназии главным предметом была словесность. Г. С. Лыткину и его одноклассникам ее преподавал Николай Петрович Левицкий (1823–1898) – уроженец Вологды, выпускник гимназии и петербургского университета. Н. Ф. Бунаков вспоминал о нем: «Человек с большим литературным и художественным вкусом, знаток и поклонник

Пушкина, Гоголя и Белинского, горячо любящий литературу, он стремился и умел посеять в своих учениках любовь к чтению и литературный наклонности, умел развивать в них способность толково читать и уметь владеть языком, критически относясь к своему изложению и тщательно обрабатывая его, – и большое ему спасибо за это!» [Бунаков 1909, с. 14–15].

Гимназисты много читали. Н. Ф. Бунаков считал, что учащиеся гимназии «основательно и полно были знакомы с русской литературой». «Чтение учеников тоже шло под руководством Левицкого, который состоял библиотекарем и выдавал ученикам книги для домашнего чтения. Тогда чтение учащихся в гимназии было гораздо свободнее, нежели в нынешнее время, а потому оно, действительно, имело большое развивающее значение» [Бунаков 1909, с. 16–17]. Г. С. Лыткин был в числе самых «читающих» гимназистов. Н. Ф. Бунаков вспоминал: «Он покупал книги и даже выписывал “Современник”, который в то время (52, 53, 54 [годы]) был лучшим русским журналом. “Современником” и книгами он снабжал и меня» [Бунаков 1909, с. 22]. Неудивительно, что Г. С. Лыткин тесно контактировал с Н. П. Левицким и продолжал поддерживать с ним контакты и десятилетия спустя [Лыткин 1889, с. I–II].

Пользовались популярностью у гимназистов работы историков – в частности, «статьи молодых русских ученых Кавелина, Соловьева, Грановского» [Бунаков 1909, с. 17]. Г. С. Лыткин заинтересовался также трудами видных ученых А. Шёгрена и М. А. Кастрена по финно-угорским языкам, И. И. Срезневского по истории русского языка [Лыткин 1926, с. 12; Ванеев 1980, с. 75; Писатели Коми 1996, с. 253], устным народным творчеством коми, во время каникул записывал коми народные произведения* (загадки, пословицы, поговорки и др.; некоторые из них он позднее опубликовал), стал исследовать коми язык [Доронин 1965, л. 83]. Н. Ф. Бунаков писал, что в гимназии «начальство всего менее заботилось о научных занятиях и о действительных успехах учеников в науках. Больше всего оно заботилось о хорошей нравственности учащихся в условном и весьма узком смысле: внешняя религиозность, формальное благочестие, официальный патриотизм, смирение ума, чувства и воли, вот составные части того идеала, который имелся в виду у этих педагогов «николаевских» времен, руководи-

---

* А. И. Терюков пишет, что «к сбору материалов по этнографии и фольклору коми Г. С. Лыткин начал проявлять интерес в студенческие годы», «во время каникул в 1856 г.» [Терюков 2011, с. 299]; что касается фольклорных материалов, то, полагаю, вероятнее, что это произошло не в студенческие, а еще в гимназические годы, когда Г. С. Лыткин готовил свое сочинение о коми загадках. Есть даже предположение, что у Г. С. Лыткина «увлечение устным народным творчеством коми народа проявляется еще в школьные годы, когда любознательный юноша записывал у своих земляков предания старины, истории родов, сказки и песни» [Сангаджиева 2021, с. 22].

мых попечителем Петербургского округа Мусиным-Пушкиным» [Бунаков 1909, с. 8–9]. (Образовательные заведения Вологодской губернии, в том числе и Вологодская гимназия, относились к Санкт-Петербургскому учебному округу, которым руководил попечитель округа Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862), видный государственный и общественный деятель, участник Отечественной войны 1812 г., сыгравший важную роль в судьбе Г. С. Лыткина [Галиуллина 2012]). Вместе с тем Н. Ф. Бунаков признавал, что гимназисты «дельно и не без изящества писали сочинения довольно серьезного характера»; «между сочинителями учеников 6-го и 7-го классов попадались труды весьма серьезные и солидные, требовавшие изучения и большого умственного напряжения. Рассматривались вопросы литературные, исторические, юридические, эстетические» [Бунаков 1909, с. 16–17].

Лучшие сочинения гимназистов двух старших классов читали и разбирали на литературных беседах. Г. С. Лыткин, по сообщению М. П. Погодина, четыре раза выступал на литературных беседах со своими сочинениями: 1) О происхождении слов *коми* и *зырянин*; 2) О происхождении слова *морт* («человек; *му* земля, *орта* дух, *душа*; земной дух, земная душа; душа, облекшаяся в форму»); 3) О зырянских загадках, «выражающих воззрение зырян на мир внешний и внутренний»; 4) О значении слов *ур* и *шайт* («*ур* белка, потом копейка, *шайт* палочка тоненькая, но длинная, потом рубль») [Погодин 1867, с. 138]. Г. Зоргенфрей также сообщал о сочинениях Г. С. Лыткина, касавшихся зырянских загадок, происхождения зырянских слов «коми» – зырянин, «морт» – человек, значения слов «ур (белка, копейка) и шайт (длинная палочка, на которую нанизывалось сто белок, что соответствовало 1 рублю времени Двинской грамоты великого князя Василия Дмитриевича)» [Зоргенфрей 1927, с. 47]. «Лучшие ученические сочинения... потом отправлялись в Петербург к попечителю округа», и оттуда столичное начальство «возвращало их с обстоятельными рецензиями» [Бунаков 1909, с. 12, 17]. По словам М. П. Погодина, сочинения Г. С. Лыткина «удостоились благосклонного отзыва» попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина [Погодин 1867, с. 138; Зоргенфрей 1927, с. 47].

В Вологодской гимназии поощрялось и художественное литературное творчество учащихся. Как вспоминал Н. Ф. Бунаков, среди гимназистов «были и поэты, вернее – стихотворцы, бойко владевшие стихом. <...> Большинство обладало литературным вкусом» [Бунаков 1909, с. 16]. Г. С. Лыткин тоже начал в гимназии заниматься литературным творчеством – писал стихи (на коми языке) [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. Л. 8] и очерки (на русском) [Доронин 1965, л. 83; Писатели Коми 1996, с. 353]. Отмечу, что литературовед В. И. Мартынов именно Г. С. Лыткина называл автором первых стихотворений на коми языке [Мартынов 2000, с. 101]. Лучшие сочинения читались на торжественном заседании, проходившем в гимназии перед Рождеством

«в присутствии всего местного общества» [Бунаков 1909, с. 12]. В 1853 г. в этом заседании участвовал и Г. С. Лыткин [Лимерова 2015, с. 51].

Во время учебы Г. С. Лыткина в гимназии, в 1853 г., в столичном журнале «Лучи» напечатали его очерк о городе Тотьме «Тотьма: Путевые замечания в трех письмах», подписанный И.С.Л. Зырянин [Зырянин 1853]. Этот журнал для воспитанниц старших классов женских учебных заведений выпускала при поддержке императорской семьи известная российская детская писательница А. О. Ишимова, в юности* некоторое время проводившая в Усть-Сысольске, куда был сослан ее отец [Сыктывкар 2020, с. 112, 128]. Первые три буквы псевдонима – инициалы Г. С. Лыткина. Но вместо «Георгий» он использовал имя «Егор» (так его тоже называли) в его коми варианте – Ёгор, Јогор (в 1920-х гг. в коми изданиях его имя писали также в варианте Јогор [Лыткин 1926]). Г. С. Лыткин написал этот очерк в декабре 1852 г. В нем описана часть поездки Г. С. Лыткина из Вологды в Усть-Сысольск во время каникул летом 1852 г. (о том, что описывалось путешествие именно в Усть-Сысольск через Тотьму и Устюг, а не в обратном направлении, говорит такая строка очерка: «лодка наша неслась в 5 верстах от Тотьмы к Устюгу по зеркальной поверхности Сухоны») [Зырянин 1853, № 7, с. 8]). Литературоведческая характеристика очерка дана исследователем В. А. Лимеровой [Лимерова 2015]. В 1854 г. во влиятельной газете «Северная пчела» (ее выпускал писатель, литературный критик и журналист Ф. В. Булгарин) были напечатаны «Письма о городе Усть-Сысольске и о зырянах», также подписанные И.С.Л. Зырянин [Погодин 1867, с. 139].

Кроме науки и литературы, Г. С. Лыткин размышлял и о просветительстве, высказывал желание заниматься просветительной работой в Коми крае, хотя от идеи стать учителем отказался, склонившись в сторону научной работы [Коми литература 1995, с. 157; Погодин 1867, с. 139]. Позднее он писал: «И в Вологодской гимназии и в С.-Петербургском университете, при изучении Восточных языков не покидала меня мысль – быть когда-нибудь полезным подрастающему поколению Зырян переводами книг религиозного содержания на зырянский язык и составлением такой книги которая дала бы им возможность изучить русский язык, употребляемый и в церкви, и в науке, и в суде» [Лыткин 1889, с. 1]. Н. Ф. Бунаков вспоминал, что зырянин Лыткин «был солидный и трудолюбивый молодой человек, лет на пять постарше меня**». Не скажу, чтобы он был одарен особенным значительным умом и отличался даровитостью. Напротив, в нем замечалось тугое по-

* А. И. Терюков пишет, что в период написания очерка Г. С. Лыткин познакомился с А. О. Ишимовой, «проживавшей в то время в Усть-Сысольске со своим отцом» [Терюков 2011, с. 296]; на самом деле Ишимовы находились в Усть-Сысольске задолго до этого, в 1819–1821 гг. [Сыктывкар 2020, с. 112, 128].

** На самом деле на два года.

нимание, слабая восприимчивость, некоторая тяжеловатость мысли. Но в нем была одна замечательная черта, которая ставила его выше всего класса, в особенное, исключительное положение, и привлекала к нему: это его зырянофильский идеализм. Он мечтал и толковал о просвещении своего народа, к которому относился с преувеличенной, но трогательной верой в его способность к развитию и к исторической роли, как настоящие зырянский патриот. И на свое образование он смотрел, как на средство для просвещения зырян, рано поставленного им целью своей жизни. Это был в своем роде Инсаров Тургенева. У нас немногие понимали его, большинство подсмеивалось над этим зырянофильством, над этим неуклюжим и добродушным, но страшно упорным и настойчивым зырянским патриотом. Но все невольно любили и уважали Лы[тки]на» [Бунаков 1909, с. 22].

Таким образом, в гимназии Г. С. Лыткин стоял на распутье между наукой, литературой и просветительством. Первым его выбором стало финноугроведение. Позднее, 30 января 1859 г., будучи студентом 4-го курса Санкт-Петербургского университета, Г. С. Лыткин писал: «Исторический ход развития духовной природы, духовных сил зырян и других им родственных племен занимал меня еще на гимназической скамье; тогда же явилось сознание в необходимости изучения их языков, которые одни в состоянии открыть эту тайну, не внесенную в письменные сказания» [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 54].

Прошли годы гимназической учебы, были сданы экзамены, настала пора прощаться с одноклассниками. Г. С. Лыткин в своем калмыцком дневнике в 1858 г. записал о расставании с гимназией: «Сидя на палубе, беседовал с Макаровым, Павлом Кокшаровым (сыном устьсысольского протопопа), Яковом Эдуардовичем Поппеном (сын устьсысольского офицера водных сообщений), Максимилианом Георгиевским*. Все эти люди близкие мне; мне был постоянно самый большой почет от товарищей, начиная с поступления в гимназию, т.е. с 18 сентября 1848 года. В этот раз спешили все высказывать свои мысли обо мне, всех благодарил и дал слово быть постоянно таким же, каким был в гимназии и трудиться в пользу науки отечественной. Против этого обещания я еще до сих пор не переступал. Давно расстался с товарищами, но память о них все еще свежа» [Труд 2004].

Г. С. ЛЫТКИН – СТУДЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

После окончания гимназии в 1854 г. Г. С. Лыткин решил продолжить образование в Гельсингфорском (Хельсинки) университете, где изучались

---

* Одноклассник Г. С. Лыткина М. Ф. Макаров, выпускник 1855 г. Павел Кокшаров, выпускник 1857 г. Яков Эдуардович Поппен, выпускник 1858 г. Максимилиан Георгиевский.

финно-угорские языки (к числу которых принадлежит и коми язык). Он рассчитывал на поддержку семьи. Но финансовые дела семьи складывались не самым лучшим образом. С 1850 г. тянулось судебное разбирательство по иску ярославских купцов Лопатиных, которым покойный С. И. Лыткин немало задолжал. Да и между братьями Лыткиными тоже шли раздоры из-за наследства. В конечном итоге решено было продать недвижимость: четыре дома с земельными участками и пустовавший участок для строительства в Усть-Сысольске, а также земельные участки близ города и в Кайтановской волости (Прилузье). Усадьба у р. Човью, в свое время купленная С. И. Лыткиным у Сухановых, была продана купцу Кузьбожеву (между прочим, события, произошедшие в этой усадьбе в июне 1918 г., дали старт «большевизации» уездной власти [Жеребцов 2001]). Лыткины перешли из купеческого сословия в мещанство [Сурина 2013, с. 9].

По дороге в Финляндию Г. С. Лыткин побывал в Москве, где общался с видным историком М. И. Погодиным [Погодин 1867, с. 139], и в Санкт-Петербурге, где встретился с членами Императорской Санкт-Петербургской академии наук А. Шёгреном и И. И. Срезневским (по словам М. И. Погодина, «был радушно принят академиками»), вступил в переписку с Ф. И. Видеманом, жившим тогда в Ревеле (Таллин). Но до Гельсингфорса Г. С. Лыткин не добрался – будучи в столице, он получил известие, что его родные более не в силах помогать ему финансово [Погодин 1867, с. 139; Лыткин 1926, с. 12; Писатели Коми 1996, с. 353]. Жить и учиться в Финляндии без денежного подспорья из дома было бы невозможно. Г. С. Лыткин решил (возможно, по совету ученых, с которыми он общался) поступить в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет.

Вполне возможно, сыграл свою роль и попечитель Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин, уже знакомый с ученическими сочинениями Г. С. Лыткина, в том числе, вероятно, и с его публикацией в журнале «Лучи». Следует иметь в виду, что «Лучи» и второй издававшийся А. О. Ишимовой детский журнал «Звездочка» предназначались «благородным воспитанницам институтов ее императорского величества» и финансировались императорской семьей, активно использовались в учебных заведениях, в популярной форме знакомя подрастающее поколение с историей и географией России и другими научными сведениями, литературой. Поэтому М. Н. Мусин-Пушкин с присущим ему стремлением держать под всеобъемлющим контролем вверенные ему учебные заведения, нравственность их воспитанников и содержание учебных процессов [Галиуллина 2009], надо полагать, просматривал и эти журналы, мог обратить внимание на публикацию «Зырянина» и поинтересоваться, кто скрывается под псевдонимом.

Как бы то ни было, в июле 1854 г. [Зоргенфрей 1927, с. 47] М. Н. Мусин-Пушкин определил: «Зачислить купеческого сына Г. Лыткина на I курс юри-

дического факультета и разряда с 1 августа с.г., с тем, чтобы он выдержал приемные испытания по математике в декабре месяце 1854 г. Г. Лыткину немедленно представить деньги за слушание лекций в текущем сезоне» [Терюков 2011, с. 296]. До декабря 1854 г. Г. С. Лыткин учился на юридическом факультете*, одновременно посещая лекции на историко-филологическом факультете [Терюков 2011, с. 296; Погодин 1867, с. 139], преимущественно лекции И. И. Срезневского, историка литературы А. В. Никитенко, литературоведа М. И. Сухомлинова, специалиста по античной литературе Н. М. Благовещенского, историка-эллиниста М. С. Куторги, специалиста по всеобщей истории М. М. Стасюлевича, читал М. А. Кастрена, часто посещал Румянцевский музей и публичную библиотеку, «собирал повсюду сведения о зырянах, вотяках, вогулах и мордве, вообще о северо-восточном крае европ[ейской] России» [Погодин 1867, с. 139], изучал карельский, мордовский, марийский языки [Лыткин 1926, с. 12; Туркин 1998, с. 243; Коми литература 1995, с. 157–158], т.е. придерживался финно-угорского направления. Однако, познакомившись с трехтомным трудом О. Н. Бётлингга «О языке якутов» («*Über die Sprache der Jakuten*») (Санкт-Петербург, 1848–1851 гг.), Г. С. Лыткин заинтересовался восточными языками и в декабре 1854 г. перешел на разряд восточной словесности историко-филологического факультета, слушал лекции востоковеда, историка, фольклориста А. О. Мухлинского по арабскому языку, стал изучать татарский, калмыцкий и некоторые другие языки [Погодин 1867, с. 140]. В это время уже было известно, что в следующем году на базе разряда восточной словесности и востоковедов Казанского университета в Санкт-Петербургском университете откроется факультет восточных языков (Николай I подписал указ об этом 22 октября (3 ноября) 1854 г.). Произошло это, вероятно, по инициативе М. Н. Мусина-Пушкина: он, руководя Казанским учебным округом, большое внимание уделял факультету восточных языков, на котором стали преподавать монгольский, китайский и другие языки [Галиуллина 2009].

Участь в университете, Г. С. Лыткин не оставлял литературного творчества (предполагают, что наиболее активно он занимался стихосложением в 1854–1855 гг. [Лыткин 1926, с. 13; Доронин 1965, л. 83]). Г. С. Лыткину первым из коми литераторов посчастливилось увидеть свои произведения опубликованными: 17 марта 1855 г. в Петербурге в типографии И. И. Глазунова [Ванеев 1980, с. 76] в виде листовок (на отдельных листках) были напечатаны два его небольших стихотворения (каждое – на коми языке с авторским подстрочным переводом на русский), посвященные смерти им-

---

* В некоторых публикациях говорится, что Г. С. Лыткин поступил на историко-филологический факультет [Лыткин 1926, с. 12; Зоргенфрей 1927, с. 47, Ванеев 1980, с. 75; Писатели Коми 1996, с. 353; Лимерова 2017] или на филологический факультет [Лыткин 2006, с. 131; Сангаджиева 2021, с. 22].

ператора Николая I («Коми бõрдкыв Николай Мудрый кулõм вылõ») / «Зырянское слёзное слово на смерть Николая Мудрого», написанное в форме народного причитания), и воцарению Александра II «Коми кыввор Александр Николаевич сарство пуксьõм вылõ» / «Зырянское слово на восшествие на престол Александра Николаевича», в основе которого также лежит мотив коми фольклора). Стихотворения были написаны в день смерти Николая I 18 февраля (2 марта) 1855 г. и подписаны «студент 1-го курса историко-филологического факультета разряда восточной словесности Георгий Лыткин». За эти сочинения автор «получил монаршую признательность» [Погодин 1867, с. 139].

Советские исследователи невысоко оценивали эти произведения [Доронин 1965, л. 83–85; Ванев 1980, с. 74]. Фольклорист А. К. Микушев в 1961 г. в соответствии с принятой тогда методологией писал об этих «фольклорных стилизациях»: «“Слово” – образец полнейшего искажения народного причитания, беззастенчивая попытка протащить в народной форме антинародные идеалы». «Автор в примечании указывал на будто бы фольклорное происхождение этих образов, но выхолащивал их смысл, подменял его идеями верноподданнической любви к государю-императору» [Микушев 1961, с. 11–12]. Но издание стихов на языке одного из нерусских народов (к тому же относительно немногочисленного) в столице империи было для того времени уникальным явлением. Кроме того, в 1855 г. в журнале «Лучи» были напечатаны (за подписью «И. С. Л. Зырянин») его очерки «Сухона» и «О Яренском девичьем училище» [Зоргенфрей 1927, с. 47; Ванев 1980, с. 75; Писатели Коми 1996, с. 353].

За обучение в университете надо было вносить плату. Деньги требовались и на жизнь в столице. Немного удавалось подзаработать на сочинениях, заданных богатым учащимся, ленившимся (или неспособным) писать их самостоятельно. Особенно тяжело пришлось в январе–августе 1855 г.: в течение этих восьми месяцев Г. С. Лыткин не мог платить за жилье, одежда изнасилась, не было денег на еду. Он через день ходил к знакомым, которые поили его чаем с булками; это и спасало от голодной смерти. Оплатить слушание лекций во втором семестре 1854–1855 академического года (25 рублей серебром) Г. С. Лыткин не смог и был отчислен из университета [Погодин 1867, с. 140; КГ, с. 13].

В этот период (13 августа 1855 г.) Г. С. Лыткин написал на коми языке весьма минорное стихотворение «Менам олан-вылан туйõй» («Дорога моего житья-бытья»)* [Плосков 1999, с. 79], известное также под названием «Олан-вылан туйõд» («Дорога житья-бытья») [Лыткин 1926, с. 13–14],

* М. И. Погодин в 1867 г. опубликовал сделанный Г. С. Лыткиным «буквальный перевод» этого стихотворения на русский язык под названием «Моя жизнь» [Погодин 1867, с. 141].

«Ном» («Комар») или «Арся ном» («Осенний комар») [Ёгуш 1926]. Авторы «Истории коми литературы» полагали, что в этом стихотворении «нашли отражение сомнения и колебания разночинца, не имеющего твердой жизненной позиции» [Ванеев 1980, с. 76]. П. Г. Доронин рассудил намного проще, полагая, что образ комара, нашедшего свой конец в чужом ему помещении, был продиктован вполне конкретной неудачей Г. С. Лыткина – отчислением его из университета и, казалось, рухнувшими надеждами на научную карьеру [Доронин 1965, л. 85]. Литературовед В. А. Лимерова характеризует это произведение и написанное в то же время (4 августа 1855 г. [Плосков 1999, с. 79]) стихотворение «Сьёлӧм пессьӧм» («Беспокойство сердца») как важнейшие образцы коми поэзии середины XIX в., свидетельствующие о ее переходе от устно-поэтической к литературно-элегической образности [Лимерова]. На коми языке они были напечатаны в 1926 г.

За талантливого студента вступился М. Н. Мусин-Пушкин (не зря студенты Казанского университета вспоминали, что когда тот был попечителем Казанского учебного округа, то всегда заступался за них: «горой стоял за своих» [Андреев, Цыганков 2015, с. 91]). Он обратился в Усть-Сысольск, и городские власти прислали свидетельство «о несостоянии Лыткина вносить плату за слушание лекций». Г. С. Лыткина восстановили в университете, освободили от платы за обучение и дали возможность сдать экзамены за первый курс, после чего М. Н. Мусин-Пушкин даже назначил ему стипендию (семь рублей серебром в месяц) [Погодин 1867, с. 140; Лыткин 1926, с. 13]. Три с лишним года спустя, 2 сентября 1858 г., в Калмыкии Г. С. Лыткин записал в своем дневнике: «Бывали тяжкие опыты – благодарен им, перенес, не ропща»; несомненно, одним из этих «тяжких опытов» было отчисление из университета [Труд 2004].

Летом 1855 г. Г. С. Лыткин ездил на родину, записывал коми фольклорные произведения. По дороге (возможно, вспомнив свое пребывание в Тотьме в 1852 г. и написанный об этом очерк – свою первую публикацию) он побывал в Тотьме у жившего там Н. Ф. Бунакова. Тот позднее вспоминал: «В Тотьме один раз, совершенно неожиданно, меня посетил мой товарищ по гимназии – зырянин Лыткин, тогда студент с. петербургского университета. Он отправился на родину на летние каникулы, в свой Усть-Сысольск. Крытая лодка, на которой плыл он по Сухоне, остановилась в Тотьме на несколько часов, и Лыткин нашел мою квартиру. Мы протолковали с вечера до раннего утра. Его рассказы о Петербурге, об университете, о товарищах, о его работах и планах, оставили меня в самом возбужденном состоянии» [Бунаков 1909, с. 35].

27 августа (8 сентября) 1855 г. в Санкт-Петербургском университете торжественно открыли факультет восточных языков. Студенты бывшего разряда восточной словесности стали обучаться на одном из пяти разрядов

нового факультета. Г. С. Лыткин надеялся, что в учебную программу войдут и финно-угорские языки, но этого не произошло. Тогда он остановил свой выбор на монголо-калмыцком разряде, поскольку, во-первых, М. А. Кастрен и О. Н. Бётлингк писали о родстве монгольских и финно-угорских языков. Свою роль сыграли также «открытая физиономия, благородно и симпатично произнесенная» при открытии факультета речь профессора А. В. Попова, посвященная истории изучения восточных языков в России [Погодин 1867, с. 143–144]. На монголо-калмыцком разряде, кроме Г. С. Лыткина, учились еще четыре студента, все из Казани, уже довольно хорошо знавшие калмыцкий язык – а Г. С. Лыткин «слушал и ничего не понимал», поэтому первые месяцы охотнее сам по себе занимался не калмыцким и монгольским, а финно-угорскими языками – составлением словаря и грамматики мордовского языка, а также дальнейшим сбором материалов о зырянах и пермяках (им задумана была статья для студенческого журнала) [Погодин 1867, с. 143].

М. Н. Мусин-Пушкин озаботился тем, чтобы увлечь учебой на новом факультете талантливых студентов (надо сказать, что он, несомненно, придавал большое значение наукам и подготовке будущих ученых; не случайно его избрали почетным членом Академии наук). Г. С. Лыткину как проявившему свои несомненные способности к наукам (и к восточным языкам, в частности) М. Н. Мусин-Пушкин в конце ноября 1855 г. предложил ежегодную стипендию (300 руб. серебром) с тем, чтобы он для пополнения базы знаний монгольских языков вернулся снова на 1-й курс, а после окончания университета в течение шести лет трудился в системе Министерства народного просвещения. При этом следовало бы всецело сосредоточиться на восточных языках, а про финно-угорские на время забыть. Г. С. Лыткин некоторое время раздумывал, но затем согласился (возможно, по совету И. И. Срезневского, лекции которого – читавшиеся старшекурсникам – он посещал) [Погодин 1867, с. 143–144, 154; Лыткин 1926, с. 15]. Можно считать, что именно тогда Г. С. Лыткин сделал выбор в пользу востоковедения. Как писал он 30 января 1859 г., «по открытии в 1855 году при нашем университете кафедры монголо-калмыцкой словесности изучение языка монголов и ойратов стало предметом моих занятий» [НАРК. Ф. 289. Д. 5. Л. 54–55].

Вместе с тем в течение первого года обучения на факультете восточных языков Г. С. Лыткин продолжал интересоваться финно-угорской тематикой, заниматься поэзией. В мае 1856 г. он отправился на родину, собирал там фольклорные материалы, побывал в Кажиме, а на обратном пути в столицу посетил Вятскую и Нижегородскую губернии, где собирал материалы о коми, коми-пермяках, мордве, удмуртах, марийцах (фольклоре, языках). По словам М. И. Погодина, Г. С. Лыткин «убедился, что пермяки – те же зыряне, и что отличие только в оттенках языка и быта, что зависит от мест-

ности и соседства», а вотяки (удмурты) от коми «удалились гораздо более» [Погодин 1867, с. 144]. Еще в Усть-Сысольске «неприятности домашние и болезнь брата действовали неблагоприятно на его дух и здоровье», а в дороге (дело было в сентябре) он сильно простыл [Погодин 1867, с. 144]. В конечном итоге эта поездка закончилась полной катастрофой: в Нижнем Новгороде у Г. С. Лыткина похитили чемодан, в котором лежали почти все рукописи его литературных произведений, написанных в гимназии и университете, и многие фольклорные материалы; он жаловался в полицию, но безрезультатно [Лыткин 1926, с. 15; НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. Л. 8; Доронин 1965, л. 83; Терюков 2011, с. 299; Коми литература 1995, с. 158]. В результате до нас, к сожалению, дошли очень немногие произведения Г. С. Лыткина. Кроме уже названных публикаций, известны стихотворения на коми языке «Кутш, каля, курӧг» («Орел, чайка и курица», 29 августа 1855 г.), «Войпом коми йӧзлы» («Хватит спать, коми люди» или «Униженным коми людям», ноябрь 1855 г.) [Лимерова 2017; Плосков 1999], «Буркыввор коми йӧзлӧн» («Голос зырян») и «Ыджыд вӧт» («Большой сон», 27 августа 1855 г.), известное также как «Вӧт киӧ» («Сон в руку»), рукописи которых сохранились в фонде И. И. Срезневского [Плосков 1999]. После катастрофы 1856 г. Г. С. Лыткин уже не занимался поэзией (кроме переводов на коми язык стихотворений А. С. Пушкина [Костромина 1983]). С братьями он в дальнейшем отношений тоже практически не поддерживал, общался (переписывался) с матерью и сестрами. (Старшая сестра Анна была замужем и носила фамилию Забоева. Ее сын Алексей в 1858 г. учился в 3-м классе Архангельской гимназии (он переписывался с Г. С. Лыткиным, который отметил в калмыцком дневнике; «приятно было прочесть несколько слов по-зырянски, за что сказал спасибо»), а в 1858 г. родился еще один сын Александр. Младшая сестра Надежда вышла замуж за Алексея Семеновича Стенина [Труд 2004]).

Масштаб дарования Г. С. Лыткина как писателя чрезвычайно трудно по достоинству оценить, учитывая утрату большей части его литературного наследия. Коми поэт, а в будущем – выдающийся финно-угровед В. И. Лыткин в газете «Югид туй» 26 февраля 1926 г. писал, что Г. С. Лыткин – «первый коми поэт, дедушка коми литературы, положивший основание коми литературному языку». В 1920-е гг. высоко оценивали значение Г. С. Лыткина в создании коми литературы профессор А. Н. Грен [Грен 1927] и краевед и журналист А. А. Чеусов, опубликовавший свои заметки в журнале «Коми му» [Чеусов 1924] и газете «Югид туй» (4 апреля 1924 г.). О литературном критиканстве (правильнее было бы сказать – хулиганстве, а то и бандитизме) 1930-х гг. не стоит и упоминать [см. об этом: Жеребцов 2024].

Только в конце 1950–1960-х гг. были предприняты первые (не вполне реализованные) попытки вернуться к более объективной оценке литературного творчества Г. С. Лыткина. П. Г. Доронин в 1960-х гг. отмечал, что в не-

которых стихах Г. С. Лыткина «чувствуется поэтическое дарование автора, знание законов стихосложения, лирическая глубина, но считал, что оценки авторов 1920-х гг. завышены и что поэтическое творчество Г. С. Лыткина занимает «незначительное место», и он не был основоположником и родоначальником коми художественной литературы и литературного языка [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. Л. 10; Доронин 1965, л. 85]. В фундаментальной «Истории коми литературы» кратко сказано об искренности чувств, выраженных «в сентиментальных стихотворениях» Г. С. Лыткина [Ванеев 1980, с. 76], и отмечено, что сделанные им переводы «классических произведений русской детской литературы обнаруживают несомненный художественный талант Г. С. Лыткина» [Ванеев 1980, с. 83]. Лингвист А. И. Туркин отметил Г. С. Лыткина как автора «нескольких оригинальных стихотворений на коми языке» [Туркин 1999, с. 239] и полагал, что его труды «не утратили своей... художественной ценности до наших дней» [Туркин 1998, с. 246]. Литературовед В. Н. Демин полагал, что поэт и «философ литературы» Г. С. Лыткин «вместе с И. А. Куратовым стоял у истоков новой коми литературы» и своими трудами «заложил основы формирования коми литературы» [Коми литература 1995, с. 157, 160], заложил основы литературного коми языка, «был одним из основоположников новой коми литературы», «теоретиком и основоположником новой коми литературы» [Писатели Коми 1996, с. 353, 357, 358]. Оценка исследователя, казалось бы, вполне однозначна, однако в той же работе В. Н. Демин неожиданно пишет, что Г. С. Лыткин «не был основоположником и родоначальником коми художественной литературы и литературного языка», а затем предлагает «вновь... поставить вопрос о роли и месте Г. С. Лыткина в становлении коми литературы» [Писатели Коми 1926, с. 358]. Представляется, что эта своеобразная «дискуссия с самим собой» как нельзя лучше отражает противоречивость оценок литературного творчества Г. С. Лыткина.

Вернувшись осенью 1856 г. в Петербург, переживший тяжелую психологическую травму из-за утраты своих материалов, Г. С. Лыткин тяжело заболел и смог вернуться к занятиям лишь в январе 1857 г., да и то не в полной мере: врач требовал больше находиться на воздухе, а не в аудиториях университета. Как писал в 1867 г. историк М. И. Погодин, знакомый с Г. С. Лыткиным, поскольку в Нижнем Новгороде «всё, что было дорогого для Лыткина, было потеряно», то «оставалось приняться исключительно за монгольский и калмыцкий языки», которыми он не занимался более полугода, с мая 1856 г. [Погодин 1867, с. 144]. Надо было наверстывать упущенное, и Г. С. Лыткину очень сильно помог профессор А. В. Попов, который читал некоторые лекции по монгольскому языку специально для одного Лыткина, многое ему объяснял и направлял размышления студента. Их общение продолжилось и на следующем курсе (1857–1858 гг.), что немало способство-

вало обогащению лингвистических познаний Г. С. Лыткина. Багаж знаний вырос настолько, что для второго выпуска сборника студенческих научных работ (в первом, вышедшем осенью 1857 г., Г. С. Лыткин не участвовал, поскольку все его материалы, собранные для статьи, пропали в Нижнем Новгороде*) он написал статью «Дополнение к статье “Новое предприятие студентов восточного факультета”», изложив свое видение состояния исследованности монгольского и калмыцкого языков в России и методов изучения восточных языков (это был критический разбор статьи Ю. Богушевича «Новое предприятие студентов восточного факультета», опубликованную в первом студенческом сборнике) [Погодин 1867, с. 145].

На факультете восточных языков с самого его открытия работал в должности адъюнкт-профессора Константин Федорович Голстунский (1831–1899), приехавший в столицу империи из Казани, где он после окончания Казанского университета преподавал монгольский язык в 1-й гимназии (преподавание этого языка в гимназии, кстати, ввели при М. П. Мусине-Пушкине [Галиуллина 2009]). В Петербургском университете К. Ф. Голстунский преподавал монгольский и калмыцкий языки, работал над составлением русско-калмыцкого и калмыцко-русского словарей [Решетов 2001]. Этому человеку тоже довелось сыграть важную роль в жизни Г. С. Лыткина. В 1856 г. он со студентом Енгальчевым [НАРК. Д. 5. Л. 40] ездил в кочевья Астраханской и Ставропольской губерний для ознакомления с языком калмыков. Во время этой командировки, по информации словаря Брокгауза и Ефрона, К. Ф. Голстунский «приобрел много калмыцких рукописей, собрал богатые материалы для изучения простонародной калмыцкой речи» [Голстунский 1993]. В более подробном варианте словаря есть примечательное дополнение: во время поездки К. Ф. Голстунский «открыл, что разговорный язык калмыков вовсе не тот, на котором написаны их книги» [Голстунский 1893]. Рукописи, поступившие в библиотеку восточного факультета в результате экспедиций К. Ф. Голстунского, составили отдельную и весьма ценную коллекцию [Успенский 2014, с. 145–146].

Для дальнейшей работы над словарем К. Ф. Голстунский был заинтересован в новых экспедициях в Калмыкию. Его интересы совпали с интересами Г. С. Лыткина, который, вернувшись в 1856 г. в Петербург, отдал все свои силы учебе и научной работе в области востоковедения. Однако, как само-

---

* Между прочим, в «Студенческом сборнике» 1857 г. опубликована первая научная работа выпускника Вологодской гимназии 1853 г. А. Н. Коркина «О наибольших и наименьших величинах». Он одновременно с Г. С. Лыткиным в 1854 г. поступил в столичный университет (на физико-математический факультет). За эту работу, написанную в 1856 г., его наградили золотой медалью, а в 1858 г. А. Н. Коркин окончил университет со степенью кандидата. Возможно, это навело Г. С. Лыткина на мысль пойти тем же путем.

критично заметил Г. С. Лыткин в начале 1859 г., поначалу «успехи не были удовлетворительны», и «желание доискаться исторического хода развития духовных сил ойратов в их слове, хранилище жизни народа <...> побудило меня и даровитого товарища моего А. Михайлова совершить поездку <...> в степи астраханские к приволжским ойратам, чтобы было сознательно и осязательно наше изучение языка ойратов, их быта, интересов жизни, верований и душ» [НАРК. Д. 5. Л. 55]. Полагаю, что инициатива этой поездки принадлежала именно К. Ф. Голстунскому.

29 января 1858 г. (здесь и далее даты по старому стилю) студенты 3-го курса Георгий Лыткин и Александр Михайлов (оба – стипендиаты Министерства народного просвещения) подали руководству факультета «покорнейшее прошение», в котором говорилось, что они, стипендиаты, «обязаны изучать языки восточных народов, вникнуть в народный дух, нравы, обычаи и самое их вероучение, чтобы, по окончании университетского образования, ...могли с знанием дела исполнять обязанности, которые Министерству благоугодно будет поручить им». Студенты считали, что «наступающим летом» было бы «полезным совершить поездку в калмыцкие степи для того, чтобы теоретические свои познания в калмыцком языке» проверить «на месте в живом говоре калмыков», а также «видеть на месте быт народа и разведать его душевные интересы» и вдобавок «поправить здоровье для будущих занятий» [НАРК. Д. 5. Л. 39–40]. Г. С. Лыткин и А. С. Михайлов как на прецедент ссылались на командировку студента Енгальчева 1856 г. и просили факультет «исходатайствовать» им «выдачу стипендий за четыре месяца вперед», «открытый лист для свободного путешествия по калмыцким улусам и казенную подорожную», дать инструкцию, по которой студенты «могли бы сосредоточить... внимание на изучении языка и быта калмыков» и «дозволить... сдать годовые экзамены не позже 25 апреля», чтобы студенты «могли прибыть на место к 10 мая и могли видеть празднества калмыков по случаю наступления весны и пробуждающуюся деятельную жизнь их в начале летних перекочевок» [НАРК. Д. 5. Л. 40].

Факультет прошение поддержал и сверх того ходатайствовал о выделении студентам пособия – по 50 руб. на человека (кроме того, Г. С. Лыткин и А. С. Михайлов взяли еще взаимобразно по 50 руб., которые следовало вернуть; с этим долгом Г. С. Лыткин не расплатился даже весной 1859 г. [Погодин 1867, с. 148]). Совет университета 11 марта 1858 г. сделал соответствующее «представление» правлению университета, и 14 марта 1858 г. было принято решение допустить студентов к экзаменам до 25 апреля, выдать стипендии за май–август и пособия и командировать их «в калмыцкие степи с целью изучения практики калмыцкого языка» с 25 апреля по 1 сентября 1858 г. 21 марта 1858 г. ректор университета сообщил декану факультета о своем согласии с командировкой студентов [НАРК. Д. 5.

Л. 1–2, 43]. 17 апреля 1858 г. «гг. студентам Лыткину и Михайлову, отправляющимся в калмыцкие степи», была вручена подготовленная днем раньше инструкция, согласно которой они «сперва должны ехать в Астрахань», «оттуда «отправиться в летние кочевья Хошоутовских калмыков, расположенные недалеко от Замьянской станицы». «Все время своего пребывания в степях» Г. С. Лыткин и А. С. Михайлов обязаны были «пробыть в кочевьях этого улуса, где, при содействии князя Цэрэнджаба Тюменева*, могут иметь более средств к своим занятиям, разъезды же по улусам не могут принести пользы». А занятия должны были заключаться «в чтении народных произведений, как то: сказок, песен, в подслушивании народного говора и записывании фраз, взятых из живой речи народа, с объяснением значения слов, входящих в них». Студенты обязаны были «вести дневник, в который должны вписывать все, что только наглядным образом будет ими подмечено об образе жизни, нравах, обычаях и обрядах богослужения», а также «под руководством духовенства» заниматься «чтением буддийских и других сочинений, писанных языком книжным, которыми так богаты Хошоутовские калмыки». По возвращении студентам надлежало «представить в факультет свой дневник, собрание сказок, песен и записанных ими фраз» и «указать на сочинения, которые были ими там переводимы» [НАРК. Д. 5. Л. 45–46, 49].

Общее руководство экспедицией, вероятно, должен был осуществлять К. Ф. Голстунский, которому разрешалось «для пополнения составляемого им русско-калмыцкого словаря и грамматических заметок о составе живой калмыцкой речи и для других наблюдений отправиться в калмыцкие степи тотчас по окончании экзамена... его предмета» » [НАРК. Д. 5. Л. 10]. Впрочем, руководство было, видимо, чисто номинальным, каждый участник экспедиции работал в значительной мере самостоятельно. По крайней мере, в своем дневнике** Г. С. Лыткин 21 июня 1858 г. записал: «Здесь Голстунский и Михайлов – цели и задачи у всех различные» [Труд 2004].

Тем не менее, поскольку Г. С. Лыткин привык трудиться в одиночестве, самостоятельно, то необходимость как-то согласовывать общие планы исследований не доставляла ему удовольствия. В дневнике он записал: «Одна

---

* Подполковник князь Церен-Джаб Тюмень, командир 2-го полка Астраханского казачьего войска. Учился в Казани у профессора А. В. Попова, служил в Петербурге и Варшаве. [См. о нем: Гиляшаева 2007; Четьрова 2014 и др.]. М. П. Погодин в 1860 г. написал о князе (со слов Г. С. Лыткина): «Он много заботится об улучшении быта своих подвластных; он завел поселение (до 40 домов), где калмыки начинают привыкать к оседлому хозяйству (об этом будут статьи Лыткина в Астр. Губ. Вед. нынешнего 1860 года)» [Погодин 1867, с. 149].

** Очевидно, кроме общего экспедиционного, Г. С. Лыткин вел и отдельный собственный дневник, в который записывал свои размышления не только о работе, но и различные личные впечатления и воспоминания.

неприятность – я все-таки должен делать не всегда так, как хотелось бы. А причина очевидна: я стеснен тем, что занятия мои на виду моего товарища Михайлова. В занятии я не люблю товарищей, т.к. они стесняют мои планы. Когда я занимаюсь, чтобы все занимались тем, чем я, и все шло спокойно, в порядке. Если когда-нибудь мне случилось свершить путешествие с целью научной, я не взял бы товарища по занятию, тогда разъединили бы цель и достижение цели». «Мне веселее ходить одному пешком, думать, обдумывать свои поступки» (записи 21 июня). «Люблю быть один», «чувствую, что при людях невозможно предаться одной какой-то думе» (запись 12 июля) [Труд 2004].

Впрочем, в том же дневнике Г. С. Лыткин отметил помощь, которую не раз оказывал ему К. Ф. Гостунский во время экспедиции: «Во многих самостоятельных случаях К. Ф. Голстунский помогал мне, разрешал мои недо-разумения, я весьма за то ему благодарен. Переписал с рукописи К. Ф. Голстунского калмыцкие песни». Об А. С. Михайлове Г. С. Лыткин в дневнике тоже отзывался вполне по-товарищески: «с А. С. Михайловым мы вспоминали о добрых Кукушкиных в Симбирске – я читал ему свои заметки о них... Симбирск на обоих оставил самое приятное впечатление... Михайлов способностями меня превосходит, но не умеет владеть ими, – я тоже не лишен способностей, но во мне нет живости восприятия» (запись 20 августа) [Труд 2004].

В своем «донесении» (отчете) факультету Г. С. Лыткин позднее сообщал о работе в экспедиции: «Занятия мои начались записыванием фраз живого говора» [НАРК. Д. 5. Л. 61]. А в дневнике 21 июня 1858 г. он записал иначе: «Прежде всего я занимался чтением грамматики Бобровникова и Попова. Теперь пора начинать знакомиться с бытом калмыков и языком живым» [Труд 2004]. (Преподававшего в Петербургском университете востоковеда А. В. Попова Г. С. Лыткин характеризовал в дневнике как «достопочтенного профессора», «знатока быта и языка калмыков», переводчика богослужебных книг, человека справедливого и откровенного, деятельного и энергичного. Востоковед А. А. Бобровников был последователем А. В. Попова, автором «Калмыцкой грамматики» [Труд 2004]). Кроме названных грамматик, Г. С. Лыткин изучал и другие научные публикации различных ученых, касавшиеся калмыковедения (Н. Я. Бичурина, И. Э. Фишера, Г. Ф. Миллера, Я. И. Шмидта) [Лыткин 2006, с. 132]. Что касалось «живого говора», то 12 июля Г. С. Лыткин записал в дневнике: «А. С. Михайлов начинает сме-кать разговорный язык, а я не могу ничего расслышать: у меня ухо ужасно крепкое или, пожалуй, слишком тонкое. Впрочем, по-русски я начал тогда говорить, когда уже знал письменный язык и знал значение всех слов, – даже в настоящее время случается, что я не понимаю, когда говорят по-русски

слишком скоро и невнятно. Вероятно, мне придется вначале изучить литературный язык теоретически» [Труд 2004].

Знакомство с бытом включало, в частности, «осмотр устройства кибинок-жилищ калмыков и вещей, находящихся в употреблении домашнем, наряды мужчин и женщин и пр.» [НАРК. Д. 5. Л. 61, 64]. Наблюдение за традиционными обрядами затруднила неприятность, приключившаяся с Г. С. Лыткиным во время непростого пути из столицы империи в Калмыкию: весьма близорукий с детства, в Казани он потерял очки. В результате, как отмечено в дневнике 13 июня, «на жертвованиях я ничего не мог увидеть: жалко, что нет очков, еще более жалко, что не помню, который номер были мои, которые я потерял». «Буду чаще навещать службу, чтобы узнать высшие их правила» [Труд 2004]. Г. С. Лыткин писал о впечатлении, которое на него производила музыка, исполнявшаяся калмыками: «Любуясь картиною степи при закате солнца, я долго слушал музыку духовную. Эта музыка вблизи неприятна для уха русского человека, привыкшего к более округленным звукам и складу в целой массе звуков, которое одно целое. Здешняя музыка издали неприятно действует на ухо, но следя за каждым отдельным звуком (инструментов немного) ощущаешь тоску, как будто жизнь не дает ни одной приятности, но вся наполнена страданиями, воплем. Иногда звуки нежны, чисты, светлые, они как аршан освежают душу <...>. С окончанием последнего звука, не совсем гармонического, из-за степи на синеватом горизонте выплыла луна, которая золотистым светом своим старается поспорить с закатом» (запись в дневнике 14 июня) [Труд 2004].

Г. С. Лыткин много работал со старинными текстами, прочитал несколько калмыцких и монгольских сочинений. «Сижу с пяти часов утра до восьми вечера за книгой», – записал он в дневнике 21 июня. Читением дело не ограничивалось. 22 июня Г. С. Лыткин «начал письменно переводить Зая-Пандиту и окончил 30 июня вчерне» [Труд 2004]. Вслед за «Биографией Зая-пандиты» Г. С. Лыткин за время экспедиции сделал черновые переводы «Биографии Зункавы», «Сказания о Хошоутовском роде» и «Сказания о походе Убаши-хунтайджия», прочел «Историю о гуннах и ваннах монгольских и туркестанских» (отметив в дневнике, что «нужно будет перевести с монгольского все книги Исторического обозрения Гуннов и Ванов Монгольских и Туркестанских» [Труд 2004]), «Сиддиту кюр», «Засакин ном», «Джиру-кену толга», «Усун Дебискерту хана тууджи» [Лыткин 2006, с. 132]. В последующем именно на этом направлении исследований он сделает свои главные открытия.

Г. С. Лыткин и его коллеги по экспедиции неоднократно обсуждали и между собой, и в разговорах с княжеской семьей и другими собеседниками о перспективах просветительной деятельности среди калмыков. «Высказано было много пожеланий княгине, ее семье и калмыкам: <...> желали,

чтобы между самими калмыками явились люди вполне образованные, что они, посредством своих трудов и защиты, могли дать народу новую жизнь, чтобы истина, справедливость и уважение к лицу и собственности каждого водворились между всеми. Желали княгине, чтобы сын их Манчжи (Церен Надмит), поступив в Пажеский корпус, не забывал свой родной язык и народа, в шуме другой, более роскошной жизни». Для себя Г. С. Лыткин записал: «Мне жалко, что Манчжи поступает в Пажеский корпус; оттуда редкие люди выходят полезные в жизни» (записи в дневнике 10 июля) [Труд 2004].

Именно там, в Калмыкии летом 1858 г. Г. С. Лыткин уже на уровне гораздо более серьезном, нежели в гимназии четырьмя-пятью годами раньше, задумывается о значении просветительной деятельности среди нерусских народов, об ответственности образованных «инородцев» за работу со своими сородичами и конкретно о своей возможной роли в этом непростом деле. «Жалко, что между инородцами мало людей просвещенных; эти просвещенные инородцы все могли бы быть для своих земляков не хуже Банзарова», – записал он в дневнике 10 июля 1858 г. (Доржи Банзаров – первый бурятский ученый, получивший высшее образование европейского образца в Казанском университете, востоковед, автор серии монголоведческих трудов). Свою лепту в размышления о просвещении внес визит Г. С. Лыткина в Астраханское училище для калмыков. Это учебное заведение напомнило ему собственное детство: «Припомнились мне былые времена, когда я в Устььсыольском уездном училище хотя с отвращением, но должен был так же запоминать уроки, не понимая значения русских слов», – писал он позднее [НАРК. Д. 5. Л. 59].

В роли Банзарова для калмыков Г. С. Лыткин рассматривал себя: «Я поставлю себе за правило сделать в жизни для калмыков и монголов: 1) различными переводами и статьями ознакомить русскую публику с ними и возбудить между русскими любознательность в отношении знания жизни, состояния инородцев; 2) приготовить на монгольском или калмыцком языке одно или два сочинения, которые могли бы служить настольной книгой в их жизни. <...> Какие-то результаты будут от этих книг для народа? Приготовлены ли они приносить их? Много мыслей один за другим рождались в голове: все они около одной темы – благо инородцев, которое будет составлять мою жизнь, мое удовольствие, цель всех моих стремлений. Быть может, я не в силах буду много сделать, – но все-таки и моя капля труда прибавит кое-что в эту огромную сокровищницу, требующей сотни добросовестных трудов» (запись в дневнике 10 июля) [Труд 2004]. Позднее с этими же идеями Г. С. Лыткин вернется к давнему, еще, можно сказать, детско-юношескому замыслу просветительной работы среди коми-зырян. Но пока он сосредотачивается на калмыковедении и монголоведении, строит дальнейшие планы работы в этом направлении на длительную перспективу.

Дневник наполнится записями об этом. «Теперь я снова начинаю оживать и жить той жизнью мысли и ожиданий в будущем, которая составляет цель моего существования. <...> Может быть, мой выбранный путь слишком фигурален, но, сколько я слежу за собой, он верен, хоть и слишком длинен. Коротким путем достигать как-то неловко в настоящем деле, непрочно» (запись 21 июня). «Следствие настоящей поездки должно стать основанием другой моей жизни, передо мною открывается давняя, поэтическая картина труда со всеми прелестями, отливами иной жизни духа, стремлением которой нет конца» (запись 7 июля). «По приезде в Петербург кроме истории монголов Санан-Сэцэна нужно будет перевести с монгольского все книги Исторического обозрения Гуннов и Ванов Монгольских и Туркестанских. На это будет употреблено время в сентябре и октябре» (запись 14 июля) [Труд 2004].

Первым шагом к достижению своих целей Г. С. Лыткин видел получение золотой медали за студенческую научную работу на ежегодно проводившемся на факультете конкурсе. Он выбрал темой работы «Исторический очерк знаменитого в буддийской иерархии ламы Зая-пандиты с показанием его влияния на распространение буддизма между ойратами и ученых его заслуг для калмыцкой литературы». Именно поэтому Г. С. Лыткин начал изучение калмыцких сочинений с «Биографии Зая-пандиты», перевел без усталости, «вставая постоянно в пять часов утра и без отдыха сидел над переводом до 8–9 часов вечера», а закончив перевод, записал в дневнике: «Гора с плеч свалилась» [Труд 2004]. «Сидеть с утра до вечера и высидеть золотую медаль или болезнь. Если здоровье выдержит, медаль должна быть моя. Насчет исполнения диссертации не сомневаюсь», – гласит запись в дневнике от 14 июля (эта работа должна была стать и диссертацией) [Труд 2004].

Финальным же аккордом карьеры должна была стать должность профессора. «Я думаю о своих трудах настоящих и будущих, и нахожу в себе достаточные силы для этого назначения. Я должен быть профессором монголо-калмыцкой кафедры и буду. Девиз мой будет «Труд преодолевает все», к тому же, слава богу, у меня есть довольно ума, рассудка, филологического такта и способностей. Зарывать их в яме – грех! Для осуществления этой мысли в том объеме, который себе задал, нужно совершить путешествие к монголам, бурятам, тунгусам, манчжурам. Изучив языки этих народов, видов их жизни на месте, я ближе продвинусь к своей задушевной цели... Какие бы ни случились в жизни обстоятельства, но человек обязан задавать себе вопрос, который бы составлял цель его настоящего существования, как человека, как гражданина своего отечества. Скитаться и трудиться без цели – бесплодно и тяжело. Я вдаль ясно вижу свою цель и стремлюсь к ней» (запись 13 августа) [Труд 2004].

Замечу, что строя свои востоковедческие планы, Г. С. Лыткин не упускал из виду и финно-угроведение. «Монголы и финны начинают привлекать меня до такой степени, что скоро перейдет это внимание до страсти, и тогда прощай все прочее», – записал он в дневнике 15 июля 1858 г. «Если по каким-то причинам меня не отправят на Амур на 2–3 года, то постараюсь попасть в Гельсингфорс, чтобы там выслушать финские языки и стать профессором» (запись 13 августа) [Труд 2004].

1 сентября 1858 г. срок экспедиции истек, и исследователи двинулись в обратный путь. 24 сентября они прибыли в Москву. «Наконец кончилась почти наша странническая жизнь, лишенная удовольствий в кругу образованных дам, около них всегда приятно, если они не лезут в синие чулки, но мило просто ведут беседу... При всем нехотении не могу не любить общество прекрасного пола. Вот причина, почему мне бывало страшно, грустно», – записал Г. С. Лыткин в своем дневнике. 25 сентября «выехали из Москвы на тяжелом поезде, а вечером 26 сентября я был уже в Петербурге, на квартире у А. А. Головкова, своего земляка – приятеля, который жил на набережной Малой Невы в доме Савина. Он встретил как доброго друга; я будто увидался со своим братом родным. Все неприятности поездки были позабыты. Я в Петербурге, я дома... Друзья тоже также рады мне» [Труд 2004]. Так завершилась первая экспедиция Г. С. Лыткина к калмыкам. (Между прочим, в октябре того же 1858 г. князя Церен-Джаб Тюмена посетил знаменитый французский писатель Александр Дюма [Четырова 2014, с. 361–362], который, согласно сообщению жандармского полковника Сиверикова, «17 числа утром на казенном пароходе “Верблюд” в обществе военного губернатора и лиц, сиим последним приглашенных, отправился вверх по Волге в имение калмыцкого князя Тюмена, где провел 17 и 18 числа в осмотре быта калмыцкого народа, их народных плясок, разных увеселений и конских скачек, откуда возвратился в Астрахань на 19 число» [Буянов 1988, с. 11]).

В отчете об экспедиции 30 января 1859 г. Г. С. Лыткин писал: «Эта поездка обогатила мою любовь к знаниям; ныне передо мною начинает малопомалу открываться духовная сторона жизни монголов и ойратов. Цель жизни моей определена – это безукоризненное служение науке» [НАРК. Д. 5. Л. 68]. 29 апреля 1858 г. руководство факультета сообщило студенту: «Факультет восточных языков, рассмотрев представленный Вами <...> отчет о Вашем путешествии по калмыцким стойбищам в 1858 г., <...> объявляет Вам, Милостивый Государь, свою признательность» [НАРК. Д. 5. Л. 50–51]. В выданном Г. С. Лыткину документе говорилось: «Изъявить... Георгию Лыткину признательность факультета за усердие и строгое исполнение возложенных на него обязанностей во время путешествия по калмыцким степям в 1858 году» [НАРК. Д. 5. Л. 52].

К своей работе о Зая-пандите Г. С. Лыткин выбрал такой эпиграф: «Историк должен допросить каждый народ, по возможности, на его родном языке. Языки и характеры народов происходят от одного и того же необъяснимого начала: тот не знает вполне народа, кто не понимает его языка». При подготовке исследования автор использовал 27 различных сочинений: по пять на калмыцком и монгольском языках и 17 на русском. 8 февраля 1859 г. Совет университета заслуженно присудил работе золотую медаль. Г. С. Лыткин защитил этот труд в качестве диссертации, став кандидатом Санкт-Петербургского университета разряда монголо-калмыцкой словесности [Лыткин 1926, с. 16; Ванеев 1980, с. 75; НАРК. Д. 5. Л. 24].

В 1859 г. срок обучения в университете у Г. С. Лыткина и А. С. Михайлова заканчивался. Но они еще во время прошлогодней поездки в Калмыкию решили попытаться продлить обучение. В дневнике Г. С. Лыткина 21 августа 1858 г. появилась такая запись: «Ночью мы с А. С. Михайловым до четырех часов лежали и говорили о будущем, <...> по окончании курса постараться остаться еще на один год при университете и войти в факультет с прошением: 1. выдать стипендию за полгода, 2. попросить казенную подорожную и рублей по 75 серебром 3. отправиться в земли Донских казаков, Ставропольскую губернию, оттуда в Большой Дөрбёт, Малый Дөрбёт и в другие улусы, остальные 2-3 недели провести в Хошоутовском улусе, а последний месяц рыться в архиве Палаты Государственных Имуществ <...>, впоследствии, если нам позволят ехать на казенный счет, странствовать к бурятам, монголам, уранхайдам, манчжурам, тунгусам» [Труд 2004].

К осуществлению этой идеи Г. С. Лыткин приступил 4 марта 1859 г., подав руководству факультета просьбу оставить его при университете еще на один год и командировать к калмыкам (аргументация о необходимости поездки была примерно та же, что и в 1858 г.) [НАРК. Д. 5. Л. 72]. 23 мая 1859 г. было принято решение «разрешить... студента IV курса факультета Восточных языков, монгольско-калмыцкого разряда, стипендиата Министерства народного просвещения Георгия Лыткина, окончившего в сем году курс, оставить при университете стипендиатом Министерства еще на один год, т. е. до 1 июля 1860 года», «уволить его на этот год по окончании испытания, в калмыцкие стойбища для практического упражнения в калмыцком языке и изучения быта калмыков» [НАРК. Д. 5. Л. 15–16].

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАЛМЫКИЮ

Сдав выпускные экзамены и получив степень кандидата, В. И. Лыткин отправился во вторую экспедицию, дабы (согласно полученной инструкции), по словам М. П. Погодина, «наблюдать над различными изменениями живой калмыцкой (ойратской) речи»; «исследовать наречия, в особенности

торгоутовское и мало-дөрбөтовское»; «собрать народные поговорки, сказки, песни и проч. и перевести некоторые из них на русский язык»; «читать под руководством местного духовенства буддийские и др. сочинения, писанные книжным ойратским языком»; «составить каталог книг, какие в употреблении у приволжских ойратов», при этом «стараться проникнуть и в книгохранилища владельцев Хошоутовского и Мало-Дөрбөтовского улусов, также в книгохранилища хурулов Бага-Цохуровского и Йеке-Цохуровского»; «переписать далай-ламские буллы, хранящиеся в хуруле Мало-Дөрбөтовского улуса»; «рассмотреть в г. Астрахани архив калмыцкого управления до первого десятилетия нынешнего столетия и переписать письма калмыцких ханов и нойонов, включительно до князя Дондок Даши»; «приготовить и представить в факультет исторический очерк ханствования Гюки хана с показанием отношения его к русскому двору, к местным русским правителям и к китайскому двору и с определением его значения в войнах и дипломатических сношениях русского правительства с крымскими ханами и горскими народами»; «вести дневник со внесением в него всего замечательного, касающегося домашней жизни, нравов, обычаев и религиозных обрядов приволжских ойратов» [Погодин 1867, с. 146–147].

Получив 300 рублей стипендии, Г. С. Лыткин половину денег истратил на то, что закупил необходимую в экспедиции одежду, обувь, книги, карты, бумагу, карандаши и прочее снаряжение и... уплатил долги, оставшиеся у него с предыдущей поездки. Еще 100 руб., по словам М. П. Погодина, Г. С. Лыткин истратил «на поездку от Петербурга до Астрахани и жизнь в Астрахани», так что по приезду в степь у него оставалось всего-навсего 50 руб., чтобы жить там, оплачивать свою переписку, «необходимо встречающуюся в ученых занятиях» и, наконец, «дарить калмыков и калмычек, чтобы они могли быть снисходительнее к нему» в его просьбах о помощи и сотрудничестве [Погодин 1867, с. 148]. Этой суммы было недостаточно, и Г. С. Лыткин «должен был у частных людей, доверявших ему, взять взаимобразно» около 200 руб. [Погодин 1867, с. 148].

Прибыв в ставку Церен-Джаб Тюменя (вскоре уехавшего по делам службы), Г. С. Лыткин попытался заняться изучением «живого говора калмыков», но, как и в прошлый приезд, потерпел неудачу: его «тугой слух» не улавливал очень быструю речь, да и запас разговорных слов был у него ограничен, а словарей калмыцкого языка не имелось. К тому же калмыки поначалу не особо желали общаться с малознакомым человеком. Поэтому Г. С. Лыткин оставил разговоры и принялся за изучение официальных бумаг на русском и калмыцком языках [с. 149–150]. На это ушли летние месяцы и большая часть сентября 1859 г. В августе 1859 г. Г. С. Лыткин опубликовал в двух номерах газеты «Астраханские губернские ведомости» свою работу «Исторический очерк письменности монголов и ойратов»,

в которой нашли отражение собранные им материалы [Лыткин 1859]. Кроме того, в первый месяц пребывания в Калмыкии, когда дела, видимо, из-за недоверия калмыков шли еще не шатко – не валко, работа не спорилась, что, по обыкновению, навело Лыткина на грустные мысли, раздумья о целесообразности своей работы и воспоминания о былых просветительских идеях просвещения зырян, он (в июле 1859 г.) направил директору училищ Вологодской губернии Латышеву записку о введении зырянского языка в Усть-Сысольском училище, но ответа не дождался [Погодин 1867, с. 156].

После того как в конце сентября 1859 г. князь Церен-Джаб Тюмень приехал в ставку и разрешил ученому пользоваться своим хранилищем рукописей, работа Г. С. Лыткина пошла более живо и организованно под руководством и при помощи зурхачи (астролога) Генден-гелюна* и бурхачи (хранителя священных предметов) Лоузан-цюрюма. 24 сентября Г. С. Лыткин записал в дневнике: «Князь обещал мне прислать гелюна, к которому я могу ходить ежедневно и упражняться в разговорном языке; этот гелюн характером будет похож на меня – все сидит в кибитке и читает комы» [Труд 2004].

Через год Г. С. Лыткин описал М. П. Погодину свой распорядок дня примерно так: в 9 утра он шел к зурхачи, читал там рукописи и «старался вычитанные фразы применять к разговорной речи»; в свою очередь, Г. С. Лыткин учил зурхачи и его ученика (шаби) русскому языку, а придя в свое жилище, переводил для него на калмыцкий разные сведения из газет. Затем Г. С. Лыткин до обеда учил русскому языку княжеского сына и «его приближенных мальчиков». После обеда к исследователю приходили служители князя, и Г. С. Лыткин записывал с их слов калмыцкие песни, пословицы и др. Они также читали ему «Сказание о походе Убаши хунтайджия**», помогали разбираться с текстом рукописей. Вечером Г. С. Лыткин читал рукописи при помощи бурхачи, которого тоже учил русскому языку, а после 8 вечера читал или переводил рукописи самостоятельно. Особое внимание он обращал на рукописи исторического характера, содержавшие, в частности, и материалы для его исторических изысканий. С конца сентября 1859 г. до середины января 1860 г. Г. С. Лыткин прочел и записал краткое содержание примерно 30 рукописей, составив каталог. Кроме того, он зафиксировал более ста калмыцких песен, около сотни пословиц, полсотни загадок и три сказки. Работая над рукописями, Г. С. Лыткин пытался осваивать и разговорный язык, но дело шло с трудом [Погодин 1867, с. 150–151].

---

* Гелюнг – калмыцкий священнослужитель.

** Это произведение известно под названиями «Повесть о разгроме монголов дербен ойратами», «История Убаши хунтайджия и его войны с ойратами». «Историческая песнь о поражении халхаского Шолой Убаши авойсками Ойратского Четырехцарствия» [Лыткин 2006, с. 137].

Говоря о наиболее важных результатах работы Г. С. Лыткина во время второй калмыцкой экспедиции, исследователи в первую очередь отмечают обнаружение им в библиотеке Церен-Джаб Тюменя калмыцких хроник «Сказание о дербен ойратах» и «Краткая история калмыцких ханов» [Бадмаев 1967; Бадмаев 1979; Лыткин 2006]. Кроме того, в архивах отложились и другие собранные Г. С. Лыткиным материалы, представляющие существенный научный интерес [Авлиев 2017; Долеева 2023; Манджиева 2023; Курапов 2023 и др.].

В конце октября 1859 г. Г. С. Лыткин начал печатать в «Астраханских губернских ведомостях» «Сказание о Дербен-Ойратах, Койон-Батур, Убуши Тюмень» (завершилась публикация только в конце марта 1860 г. [Лыткин 1859–1860] и в том же году была издана в Астрахани отдельной брошюрой) [Сказание 1860]. Была у Г. С. Лыткина и еще одна публикация, другого характера. 22 ноября 1859 г. он записал в дневнике: «Читал “Русский мир”. Полгода я почти не читал газет: ныне они сколько доставили удовольствия. <...> Я был рад “Русскому миру”» [Труд 2004]. Ученый написал в эту еженедельную общественно-политическую и литературную газету письмо сатирического характера. Газета опубликовала его в номере 41 без указания автора [Письмо 1859]. Хотя «занятий накопилось бездна», Г. С. Лыткин не оставлял и размышлений о просветительстве, отметив в дневнике: «Как хорошо было бы, если бы у нас в России были миссионеры – молодые люди, не отягощенные семейными узами – светские миссионеры, воспитанные в истинном духе христианства, <...> окончившие духовные академии и университеты» [Труд 2004].

31 декабря 1859 г. Г. С. Лыткин записал в дневнике: «С 10 декабря хворал нравственным недугом с примесью телесных болезней старого времени почти до настоящего числа; недовольство собою, своим дурным воспитанием и наклонностями, своею обломовщиною, которая так страшно тяготит на мне». «Что бы ни делал хорошего, все-таки недостатки мои, мой эгоизм пробивается всюду — нельзя их уничтожить. Много в году было хороших мыслей, но много и дурных, навеянных разными обстоятельствами... Благодарю Бога за все доброе и молю, чтоб в будущем году оно было еще более мои деяния, еще плодотворнее» [Труд 2004].

15 января 1860 г. Г. С. Лыткин отправил в Петербург обстоятельный отчет о проделанной в минувшем году работе, сообщив, «при каких внешних обстоятельствах» шли его труды, на что он «успел обратить преимущественное внимание при самостоятельном изучении языка, быта и истории приволжских ойратов и что еще осталось сделать», сделав неожиданное заключение: «Осталось сделать еще почти все, потому что я успел только-только приблизиться к своей задаче». Понимая, что намеченные большие планы не удастся осуществить до 1 июля 1860 г. (запланированного окончания экс-

педиции), Г. С. Лыткин подчеркнул, что его работа в 1859 г. заложила лишь основу для дальнейших исследований, и обратился к факультету с просьбой: «Это дает мне смелость обратить внимание фак[ультета] восточн[ых] яз[ыков] на свое затруднительное положение и просить исходатайствовать продолжение срока моей командировки во 1 сентября будущего 1861 года» [Погодин 1867, с. 151].

Весной 1860 г. Г. С. Лыткин начал работу в астраханском архиве. В очередном отчете, подготовленном 2 апреля 1860 г., он сообщал в Петербург: «Я начал просматривать архив калмыцкого управления <...> и делать необходимые выписки, начиная с 1708 года (дел раньше этого времени нет в архиве)». Эти выписки, по его словам, «лучше всего могут прояснить отношения приволжских ойратских владетелей того времени между собою, к другим инородцам и к местным русским правителям». Работа шла медленно: «много времени убивается на выписки, которые, несмотря на всю мелочность, <...> будут весьма небесполезны»; к тому же пришлось привыкать к особенностям письменности начала XVIII в. Г. С. Лыткин планировал работать в Астрахани до мая 1860 г., а затем поехать в Хошоутовский улус на праздник Улус-Сара», который, по имевшимся у ученого сведениям, «вполне сохраняет свой народный характер только в Хошоутовском улусе». Затем Г. С. Лыткин планировал ехать в Бага-Цохуровский улус, где ожидать ответа из университета. Он надеялся, что ему продлят экспедицию: «Если возвращаться, значит, – оставить свою мысль невыполненной, что было бы крайне больно» [Погодин 1867, с. 151–152]. В апреле «Астраханские губернские ведомости» начали публикацию подготовленной Г. С. Лыткиным «Истории калмыцких ханов», завершив печатание на исходе года [Лыткин 1860а]. В апреле – первой половине мая 1860 г. Г. С. Лыткин усердно работал в архиве, просмотрел 20 томов Полного собрания законов Российской империи с 1649 по 1783 г., дела калмыцкого управления до 1721 г., изучал различные указы воеводам и другую документацию, касающуюся Прикаспийского края. Эту работу он надеялся продолжить в ноябре 1860 г., а лето и осень провести в степях. В начале мая Г. С. Лыткин встретился в Астрахани с приехавшим туда М. П. Погодиным, который заинтересовался деятельностью коми исследователя, его жизнью, планами на будущее и позже в своих путевых очерках уделил Г. С. Лыткину немало внимания.

12 мая 1860 г. Г. С. Лыткин уехал из Астрахани, 26 мая наблюдал в Хошоутовском улусе празднество Улус-Сара, в том числе «народную борьбу, ведущуюся со времен Чингис-Хана, который перед выступлением в поход в начале лета делал своим войскам смотр» [Погодин 1867, с. 153]. Там ученый получил неприятную весть, по его словам, поразившую его до глубины души: руководство факультета восточных языков уведомило его, что совет университета отказал в продлении Г. С. Лыткину стипендии на 6-й год, «так

как это противно правилам Высочайше утвержденного положения» о факультете, по которому «студенты могут быть оставляемы только на пятый год» [Погодин 1867, с. 153].

В начале июня 1860 г. Г. С. Лыткин из Бага-Цохуровского улуса отправил на факультет краткий отчет о своей работе и новое прошение: «Посвятив себя изучению языка, быта и истории ойратов и монголов, мне крайне горько и невыносимо тяжело было бы оставить свою задушевную мысль невыполненной, так как она составляет уже цель моей жизни. Зная на опыте, как трудно выполнить эту мысль частному лицу без покровительства ученого учреждения и без средств», Г. С. Лыткин просил руководство факультета ходатайствовать об оставлении его в ведомстве университета «под ближайшим покровительством» факультета восточных языков, поскольку он, будучи стипендиатом Министерства народного просвещения, «обязан прослужить 6 лет в ведомстве этого министерства». Ученый просил продлить ему командировку в Калмыкию еще на год, до 1 июля 1861 г., и «снабдить необходимыми документами», а также, «если возможно, исходатайствовать достаточное для успешного хода занятий денежное пособие» (но Г. С. Лыткин был готов работать и без пособия) [Погодин 1867, с. 154].

Одновременно Г. С. Лыткин, продолжавший разрабатывать перспективные планы на будущее, направил докладную записку попечителю Санкт-Петербургского учебного округа И. Д. Делянову, где, в частности, написал: «Я еще не успел сделать и малой части того, что я должен был бы сделать по инструкции. <...>Удовлетворительное исполнение инструкции (для чего нужно еще год) может положительно приготовить меня к тому, чтобы впоследствии с успехом совершить путешествие по степям Монголии, Зюнгари и Кёкб-нора*, куда с целью изучения монголов и ойратов еще не были принимаемы путешественники» [Погодин 1867, с. 154]. 22 июня 1860 г. ученый находился в калмыцких степях [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 24].

В течение месяца Г. С. Лыткин ожидал ответы, которые должны были решить его судьбы, сильно переживал. М. П. Погодин писал, что летом 1860 г. здоровье Г. С. Лыткина от перенапряжения было «довольно расстроено: боль в груди весьма ощутительна» [Погодин 1867, с. 149]. В июле 1860 г. душевный кризис достиг своего пика и принял в известной степени разрушительный характер. Сам Г. С. Лыткин позднее сообщал М. П. Погодину: «Известий нет никаких; мною овладела невыносимая тоска: выехать из степей в Спб. нельзя, оставаться – глухая, безбрежная степь, наводящая уныние (примите во внимание, что я житель севера, дремучих лесов). В этом расстроенном состоянии я предал огню свои «дневные заметки» и другие под руку попавшие материалы: было ли это сделано с участием сознания

---

* Джунгария и Коконор (Цинхай) – территории на северо-западе Китая, между Монголией и Казахстаном.

разорвать связи с монголизмом и ойратизмом или с другою целию, не знал и не знаю хорошо»* [Погодин 1867, с. 154].

«Желая отдохнуть душою и развеяться от черных дум», Г. С. Лыткин в середине июля 1860 г. поехал верхом в Харахусо-Ердениевский улус. Верховая езда и перемена местности его немного успокоили, но ненадолго: вернувшись 26 июля в Бага-Цохуровский улус, и не обнаружив ожидавшегося извещения от факультета, ученый вновь впал в депрессию: «Молчание <...> пробудило во мне думы грустные, тяжелые... Можно ли дельно предаться занятию чем-нибудь, будучи беспокоен мыслями, расстроен? Откровенно скажу, что я не мог <...> свободно располагать временем и занятиями» [Погодин 1867, с. 155].

29 августа 1860 г. Г. С. Лыткин сообщил на факультет восточных языков о пережитом им кризисе. Позднее выяснилось, что И. Д. Делянов еще 10 августа направил ему письмо, которое Г. С. Лыткин получил только 27 сентября 1860 г., будучи в Мало-Дөрбөтвском улусе. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа в своем «весьма внимательном», по словам Г. С. Лыткина, письме уведомлял адресата, что «он вошел к министру с представлением об оставлении меня при... университете еще на год, с продолжением возложенной командировки, о снабжении необходимыми документами и о пособии для успешного исполнения возлож[енной] командировки». «Я был рад и весел, как дитя»; «письмо оживило мой дух, расстроенный и приходивший уже в уныние», писал Г. С. Лыткин М. П. Погодину [Погодин 1867, с. 155]. Два дня спустя, 29 сентября 1860 г., Г. С. Лыткин направил И. Д. Делянову письмо с благодарностью за поддержку, в котором, помимо прочего, сообщил и об уничтоженных им записях, а также о своих прошлых предложениях ввести в Усть-Сысольском училище зырянский язык.

Однако позитива хватило ненадолго. По ходатайству факультета восточных языков срок командировки Лыткина продлен на один год, считая с 1 июля 1860 г., «с увольнением его с того времени из числа стипендиатов Министерства народного просвещения» [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 27]. Из-за этого возникли денежные затруднения. Позднее Г. С. Лыткин писал, что со времени приезда в степи (в 1859 г.) он не получал ни копейки. Ему даже пришлось взять займы у Астраханского губернатора 150 руб. [Погодин 1867, с. 157; НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 28]. Подвело и здоровье. «В октябре месяце ... 1860 года... мои занятия... были прерваны: живя в кибитке во время сильных осенних ветров, проникающих насквозь, и

---

* Есть предположение, что Г. С. Лыткин уничтожил свои записи, опасаясь, что в них обнаружится его связь с членами тайного общества «Земля и воля» [ПК, с. 354], но с этим вряд ли можно согласиться, поскольку «Земля и воля» возникла позже, в 1861 г.

холодных ночей, ...я простудился – возобновилась лихорадка и невыносимая зубная боль; к тому же нравственное расстройство было так велико, что я опасался за свою жизнь. Выезд из степей спас меня», – позднее, 7 февраля 1861 г., сообщал Г. С. Лыткин на факультет [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 122]. Он уехал в Астрахань и «благодаря радушию и участию В. А. Бенземан, К. Я. Зазаревич (начальницы института)... мало помалу ожил и видимо поправился здоровьем», работал в губернском архиве [Погодин 1867, с. 155]. «Астраханские губернские ведомости» в ноябре напечатали его работу «Материалы для истории ойратов» [Лыткин 1860б], затем эта же работа была выпущена отдельной брошюрой [Лыткин 1860в]. Здоровье, правда, поправилось только физическое. Психологически же Г. С. Лыткин, очевидно, переживал надлом, терзался сомнениями, утрачивал интерес к исследовательской работе и всё больше обращался мыслями к идее просветительства, причем уже не среди калмыков, а среди зырян, причем с явной религиозной составляющей: ученый счел, что причины его «нравственной болезни», «нравственного расстройства» коренятся в отказе от высказанной еще в юности идеи нести свет православия зырянам на их родном языке.

В Астрахани ученый получил очередное письмо И. Д. Делянова от 23 октября 1860 г., который пытался успокоить Г. С. Лыткина, вдохновить его на продолжение востоковедческой работы: «Я не могу не изъявить искреннего сожаления об утрате полезных материалов, а равно и душевного желания, чтобы такое грустное настроение духа никогда более не возвращалось». Кроме того, смотритель Санкт-Петербургского учебного округа сообщил, что потребовал от директора училищ Вологодской губернии Латышева отзыв о предложениях Г. С. Лыткина, касавшихся введения в училище зырянского языка, и попросил сообщать ему и впредь все то, что Г. С. Лыткин полагал нужным делать для распространения просвещения между зырянами и для успехов образования в целом [Погодин 1867, с. 156–157]). Однако это письмо разочарованного исследователя не утешило. Обдумывая свое прошлое, Г. С. Лыткин отметил для себя факторы («неблагоприятные обстоятельства»), которые заставили его отойти от юношеского просветительского энтузиазма: расстройство домашнего хозяйства; поступление не в Гельсингфорский а в Петербургский университет; изучение монгольского языка; обязательность стипендии Министерства народного просвещения.

К исходу 1860 г. кризис назрел. 31 декабря 1860 г. Г. С. Лыткин направил И. Д. Делянову докладную, в которой писал: «1 ½ года пробывши в калмыцких степях и в Астрахани и испытавши себя, свои силы, я убедился, что я не на месте, что теряю время напрасно, без существенной пользы. Неопределенность и крайность настоящего положения, сознание того, что я отдалился от своих земляков-зырян, тяготит меня, я нравственно болен. Как хороша бы ни была предстоящая мне ученая карьера, но она меня

в настоящем положении не занимает, меня тревожит то, что я не на родине, что не приношу никакой пользы своим землякам-зырянам. которым нужно слово евангельское, слово истины на живом, родном наречии, что передать им это слово нравственно лежит на моей обязанности: православное богослужение и евангелие ныне есть на монгольском и якутском языках, а на зырянском нет, исключая евангелие от Матфея». «При настоящих заботах нашего правительства о народном просвещении я не могу иначе считать себя, как преступником перед своими земляками-зырянами, так отдалившись от них, от первоначальной своей цели просвещения зырян, которая, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, <...> никогда не затмевалась» [Погодин 1867, с. 155–156].

Г. С. Лыткин заявил, что не может больше оставаться в Астрахани и Калмыкии и «без существенной пользы тратить дорогое время, тем более потому, что семейный долг вызывает меня на родину». Ученый просил при возможности избавить его «от настоящего бесплодного путешествия и возвратить ... на родину, к ... землякам-зырянам», в училище, где он «получил первоначальное образование». «Должность смотрителя Усть-Сысольского уездного училища есть цель моих желаний: будучи на этой должности, я имел бы также возможность... преподавать зырянский язык в училищах г. Усть-Сысольска и... следить за сельскими училищами Усть-Сысольского уезда, находящимися в ведомстве Министерства государственных имуществ», – писал Г. С. Лыткин [Погодин 1867, с. 157].

В начале 1861 г. Г. С. Лыткин жил в Астрахани и, по его словам, со дня на день ждал, что скажут попечитель и университет; рвался на родину, а также горевал и думал, как бы уплатить долги (около 600 рублей серебром), которые «наделал с тех пор, когда увлекся монголизмом и путешествием в калмыцкие степи» [Погодин 1867, с. 158]. В феврале–июле 1861 г. он печатал в «Астраханских губернских ведомостях» работу «Материалы для истории ойратов и их письменности» [Лыткин 1861].

В ПЕТЕРБУРГЕ (1861–1907)

После 1 июля 1861 г., когда срок командирования закончился, Г. С. Лыткин вернулся в Петербург, доложил о результатах экспедиции, получивших высокую оценку ученых. Его приглашали читать курс калмыцкого языка в университете; это предлагал, в частности, профессор А. В. Попов, и даже И. Д. Делянов уговаривал согласиться [Зоргенфрей 1927; с. 48; Писатели Коми 1996, с. 354–355; Терюков 2011, с. 297]. Но Г. С. Лыткин отказался, поскольку рассчитывал получить место в Коми крае: Министерство народного просвещения, рассмотрев упоминавшиеся выше предложения Г. С. Лыткина, подготовленные еще в июле 1859 г., подготовило проект об организа-

ции инспекции зырянских и пермяцких школ Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний [Зоргенфрей 1927, с. 48]. Г. С. Лыткин впоследствии (в 1870-х гг.) писал академику И. И. Срезневскому, что собирался «поработать на родине, где обещал... тогдашний министр народного просвещения устроить для меня особую инспекцию» [Ванеев 1980, с. 78].

2 декабря 1861 г. факультет рассмотрел прошение Лыткина о месте смотрителя усть-сысольского училища. 18 декабря 1861 г. деканат отправил прошение в совет университета [НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5. Л. 134]. А. И. Терюков сообщает, что в личном деле Г. С. Лыткина есть обращение декана в Совет университета «об исходатайствовании Г. Лыткину места штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ, что было бы полезно для образования тамошнего края, заселенного зырянами, так как Г. Лыткин сам происходит из зырян и получил университетское образование» с пометкой о принятом решении: «просить Попечителя С-Петербургского учебного округа об определении Г. Лыткина на должность штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ» [Терюков 2011, с. 297–298].

Обер-прокурор св. Синода К. П. Победоносцев 19 декабря 1902 г. в письме управляющему Министерству народного просвещения сообщал, что Г. С. Лыткин согласно своему прошению «уволен был в распоряжение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, а 1 апреля 1862 г. зачислен был в число кандидатов-педагогов» [Короткое дело 1989]. Начались годы ожидания. Г. С. Лыткин в упоминавшемся письме И. И. Срезневскому с горечью вспоминал: «Я ждал, наступила реакция – дело заглохло; 3 года в ожидании чего-либо благоприятного для дела пробыл в звании кандидата-педагога» [Ванеев 1980, с. 78–79]. На протяжении трех этих лет Г. С. Лыткин, по словам К. П. Победоносцева, «занимался изучением истории и географии» [КЗ]. Г. Зоргенфрей, педагог, коллега Г. С. Лыткина, рассказывал, что тот с 1862 до 1 августа 1865 г. «усиленно» изучал историю и географию под руководством профессора М. С. Куторги, а методику преподавания – под руководством директора И. О. Кнорринга [Зоргенфрей 1927, с. 48]. В 1862 г. в газете «Волга» вышли три последние востоковедческие публикации Г. С. Лыткина [Лыткин 1862а; Лыткин 1862б; Лыткин 1962в].

В конце концов стало ясно, что проект с инспекцией зырянских школ, которого так ждал Г. С. Лыткин, не будет реализован. Одной из причин этого, как полагают исследователи [Ванеев 1980, с. 79; Терюков 2011, с. 298], стали близкие контакты Г. С. Лыткина с участниками тайного революционного общества «Земля и воля» начала 1860-х гг. и, в частности, с Л. Ф. Пантелеевым (1840–1919), выпускником Вологодской гимназии и студентом петербургского университета (вспоминавшем о наличии в квартире Г. С. Лыткина в течение некоторого времени подпольной типографии), и его будущей же-

ной С. В. Латкиной (1846–1918), дочерью коми купца В. Н. Латкина, российской феминисткой [Пантелеев 1915, с. 195; Труд 2004].

Делать было нечего: нужны были средства к существованию, идти в университет уже не уговаривают, и Г. С. Лыткин 1 августа 1865 г. устраивается на преподавательскую работу сверхштатным преподавателем истории и географии четвертой гимназии, а в 1869 г. – шестой гимназии [Зоргенфрей 1927, с. 48; КЗ; Терюков 2011, с. 297]. Как сообщал в 1902 г. обер-прокурор св. Синода К. П. Победоносцев, Г. С. Лыткин «в 1871 г., когда открылась при этой гимназии вакансия, назначается преподавателем истории и географии при параллельных классах <...> и занимает его поныне, более 30 лет. Прекрасно зная преподаваемые предметы, Лыткин издал географические и исторические таблицы, давшие ясное представление о составе учебников по истории и географии» (в 1874–1876 гг.) и «Учебник общей географии», в 1880–1890-х гг. выдержавший несколько изданий [Короткое дело 1989; Зоргенфрей 1927, с. 48]. Г. Зоргенфрей сообщил, что Г. С. Лыткин также преподавал в женской гимназии Стависской, где некоторое время являлся председателем педагогического совета, в Морском училище, Константиновском военном училище, Первой военной гимназии и др. [Зоргенфрей 1927, с. 48]. Г. Зоргенфрей вспоминал: «Я работал с Г. С. в б[ывшей] шестой гимназии, где он с неутомимой энергией преподавал историю и географию. Щепетильно строгий к себе, добросовестный в исполнении своих обязанностей, он к питомцам своим являл серьезные требования и за то имел нравственное удовлетворение видеть некоторых из своих учеников занимающими кафедры истории в наших высших расадниках просвещения. Без школы, без своих уроков он жить не мог и больной, до последних дней своей жизни, несмотря на просьбы родных и сослуживцев поберечь себя, приходил он к своим ученикам и, трудом передвигая ногами, буквально держась за стену, брел в свой класс. Это был настоящий благородный просвещенец» [Зоргенфрей 1927, с. 49].

Оставив востоковедение, Г. С. Лыткин, не добившись желанной работы в Коми крае и оставшись в Санкт-Петербурге, стал изучать коми язык и историю: исследовал грамматику коми языка, составлял словари, искал исторические документы в петербургских и московских архивах. Издание в 1889 г. книги Г. С. Лыткина «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» [Лыткин 1889] стало чрезвычайно важным шагом в развитии научных исследований в Коми крае. В ней автор привел сведения об истории коми народа XIV–XVI вв., о Пермской епархии, памятниках письменности, изучил коми язык того времени (по памятникам письменности), выдвинул предположение, что до создания зырянской азбуки Стефаном Пермским коми в качестве своеобразной древней письменности использовали особые знаки – «пасы». Книга содержала также грамматику коми

языка, коми-русский и русско-коми словари и различные исторические, литературные и фольклорные тексты на коми и русском языках (с взаимными переводами) и комментарии к ним. Труд Г. С. Лыткина вызвал у современников большой интерес и принес автору заслуженную научную славу как специалисту в области коми языка и истории, хотя далеко не все оценки современников были однозначны [Котылев 2015].

Авторитет ученого среди коми интеллигенции был очень велик. Он пользовался большим авторитетом у начинающих коми писателей и исследователей, которые обращались к нему за советами: переписывались, приезжали к нему в Петербург и неизменно получали поддержку и помощь. А. А. Чеусов, занимавшийся литературным творчеством с 1899 г., в 1900 г. установил переписку с Г. С. Лыткиным, посылал ему свои стихи. Г. С. Лыткин был их первым редактором. Именно после редакции Г. С. Лыткина написанные в 1901–1904 гг. четыре стихотворения А. А. Чеусова на коми языке были опубликованы в журнале «Этнографическое обозрение» в 1904 г. Г. С. Лыткин оказал огромное влияние на начинающего поэта (иногда его называли даже «духовным отцом» А. А. Чеусова). Как отмечал в своих воспоминаниях А. А. Чеусов, именно под влиянием Г. С. Лыткина он стал писать по-коми. Знакомство с Г. С. Лыткиным способствовало усилению интереса А. А. Чеусова к коми филологии и этнографии [Жеребцов 2008]. Г. С. Лыткин являлся духовным лидером коми творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. и Г. С. Лыткин внес огромный вклад в становление коми литературы, развитие культуры, науки и образования. Его публикации, несомненно, стимулировали литературную деятельность в Коми крае.

Много сил Г. С. Лыткин отдал подготовке к изданию большого «Русско-зырянского словаря», основой для которого стала рукопись, подготовленная упоминавшимся выше коллективом устьсысольцев под руководством Н. П. Попова и переданная в Академию наук. По поручению Академии наук ученый с сентября 1901 г. значительно переработал рукопись, последние листы и предисловие отправил в Академию наук в декабре 1906 – январе 1907 гг. [Зоргенфрей 1927, с. 49], но увидеть словарь напечатанным не успел. Словарь был издан лишь через 24 года после его смерти, в 1931 г. [Туркин 1998]. Деятельность Г. С. Лыткина стала одной из важнейших вех на пути развития научных исследований в Коми крае, ознаменовала собой переход от «предыстории» коми науки к ее непосредственному становлению.

Если бы Г. С. Лыткину удалось вернуться на родину (как он намеревался), то вокруг него, несомненно, сложился бы круг единомышленников, и тогда в Усть-Сысольске, в Коми крае наверняка были бы сделаны первые шаги по созданию собственных научных учреждений и обществ. Но жизнь сложилась иначе. Г. С. Лыткин остался коми ученым (первым!) по проис-

хождению, но петербуржцем по месту жительства. Он скончался в Санкт-Петербурге 22 марта (4 апреля) 1907 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше мы уже говорили о различных оценках литературного творчества Г. С. Лыткина. Его научная и просветительная деятельность также обсуждалась с разных позиций. В 1920-х гг. в Коми автономной области Г. С. Лыткин упоминался довольно часто и, как правило, в положительном контексте, хотя его лингвистическое наследие и вызывало определенные споры. Несмотря на некоторое расхождение во взглядах, общее мнение коми интеллигенции той поры выразил, как представляется, В. И. Лыткин, назвавший Г. С. Лыткина в газете «Удж» 21 февраля 1921 г. «великим знатоком филологии и зырянского языка». Помнили о научных работах Г. С. Лыткина и за пределами Коми автономии. Вологжане Веселовские включили биографическую статью о нем в свой справочник «Вологжане-краеведы» (1923 г.). На страницах «Финноугорского сборника», выпущенного Академией наук СССР в 1928 г., публикации Г. С. Лыткина отметили видные российские ученые историк А. И. Андреев и лингвист Д. В. Бубрих, а лингвист и этнограф Н. Н. Поппе подчеркнул, что «наиболее громким именем среди исследователей зырянского народа является имя зырянина Г. Лыткина. Лыткин является в своей области первым ученым в полном смысле слова». «Труд Лыткина «Зырянский край» <...> произвел своего рода переворот в деле изучения зырян и их языка» [Поппе 1928].

В 1930-х гг. ситуация изменилась. Сначала упоминания о Г. С. Лыткине просто исчезли, затем началось «переосмысление» роли Г. С. Лыткина с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, итог которому подвел в 1933 г. историк-марксист В. М. Подоров. По его словам, Г. С. Лыткин «как типичный чиновник, идейно преданный русскому самодержавию», являлся «крупнейшим идеологом русского великодержавного национализма», «наиболее видным проводником великодержавнической политики царского правительства по отношению к коми», «русской великодержавнической политики по насильственной русификации населения, по разращению классового мировоззрения коми рабочих и крестьян литературой духовно-нравственного содержания». Книга «Зырянский край...», утверждал В. М. Подоров, «представляет собой крупнейшую работу по обслуживанию русификаторской политики самодержавия», а ее автор «являлся идеологом той части национальной коми буржуазии, которая в торгово-промышленном отношении была тесно связана с русской торгово-промышленной буржуазией» [Подоров 1933, с. 69, 71, 72]. В публикациях середины – второй половины 1930-х гг. Г. С. Лыткина характеризовали как «самого отъявленного реак-

ционера», «прямого реакционера, миссионера, вышедшего из слоев коми кулачества», «одного из основоположников буржуазного национализма». Однозначно отрицательные официальные оценки деятельности Г. С. Лыткина сохранялись до середины 1950-х гг. Так, в «Очерках по истории Коми АССР» 1955 г. говорится, что «вся деятельность Лыткина была направлена на духовное закабаление народа коми и служила интересам самодержавия и реакционного духовенства». Затем тон научных работ стал меняться в лучшую сторону. Очень много сделал для пересмотра негативного отношения к Г. С. Лыткину В. И. Лыткин, репрессированный в 1930-е и реабилитированный в 1956 г. В то время, когда коми ученые спорили о заслугах и недостатках Г. С. Лыткина, его политических взглядах, их коллеги в Калмыкии отдавали должное «замечательному ученому России, талантливому сыну братского народа коми, одному из крупных калмыковедов, <...> труды которого с большим интересом изучают специалисты во многих областях калмыковедения» [Бадмаев 1967]. Поднимался вопрос об увековечении памяти Г. С. Лыткина в Калмыкии и, в частности, об установке ему памятника. В Коми республике относительно объективные оценки деятельности Г. С. Лыткина утвердились лишь в 1970-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

Авлиев, В. Н. Погребальная обрядность калмыков по дневниковым записям Г. С. Лыткина (на материалах калмыцкой степи Астраханской губернии) / В. Н. Авлиев // Science Time. – 2015. – № 12 (24). – С. 21–24.

Авлиев, В. Н. Жизнь калмыцкого населения в предреволюционный период: (по материалам исследователя Г. С. Лыткина) / В. Н. Авлиев // Развитие национально-государственного строительства на Юге России в период октября 1917–1920 гг. – Элиста, 2017. – С. 449–452.

Агеева, Н. Н. Ф.Н. Фортунатов – выдающийся представитель учительской династии / Н. Н. Агеева // Патриотизм в России: история и современность (к 400-летию воцарения династии Романовых). – Чебоксары, 2013. – С. 7–15.

Андреев, А. Ю. Попечитель императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. / А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 4. – С. 70–97.

Бадмаев, А. В. Г. С. Лыткин как калмыковед. К истории калмыцкой письменности / А. В. Бадмаев // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. – Элиста, 1967. – Вып. 5. – С. 115–124.

Бадмаев, А. В. Зая-Пандита: Списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты» / А. В. Бадмаев. – Элиста, 1968. – 76 с.

Бадмаев, А. В. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / А. В. Бадмаев. – Элиста, 1969. – 203 с.

Бадмаев, А. В. Калмыцкая дореволюционная литература / А. В. Бадмаев. – Элиста, 1975. – 167 с.

Бадмаев, А. В. Научный вклад Г. С. Лыткина в калмыковедение. (Из истории отечественного калмыковедения) / А. В. Бадмаев // Актуальные проблемы калмыцкой филологии. – Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 1979. – С. 191–213.

Баев, А. А. Изучение жизни и деятельности педагога Ф. Н. Фортунатова в отечественной историографии: сборник трудов конференции / А. А. Баев // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории. – Чебоксары, 2019. – С. 159–163.

Буянов, М. О «Кавказе» Дюма / М. О. Буянов // Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 6–14.

Ванеев, А. Велодысь, гижысь, ученёй: очерк / А. Ванеев // Войвыв кодзув. – 2000. – 6 №. – 55–62 л. б.

Ванеев, А. Е. Георгий Степанович Лыткин / А. Е. Ванеев // Коми-зырянское просветительство. Сущность и своеобразие. – Сыктывкар, 2001. – С. 123–145.

Ванеев А. Е. Коми литература второй половины XIX – начала XX веков / А. Е. Ванеев, В. И. Лыткин, В. И. Мартынов // История коми литературы. – Сыктывкар, 1980. – С. 73–101.

Владимиров, Е. Георгий Лыткин. «Зырянский патриот» / Е. Владимиров // Регион. – 2020. – № 4–5. – С. 49.

Галиуллина, Р. Х. М. Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского и Санкт-Петербургского учебных округов / Р. Х. Галиуллина // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 90–93.

Галиуллина, Р. Х. М. Н. Мусин-Пушкин – участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов / Р. Х. Галиуллина // История и историческая память. – 2012. – Вып. 6. – С. 181–192.

Гиляшаева, М. Н. Калмыцкий нойон – российский князь? / М. Н. Гиляшаева // Востоковедные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Вып. 2. – Элиста, 2007. – С. 62–67.

Голстунский Константин Федорович // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1993. – Т. 4. – С. 197.

Голстунский, Константин Федорович // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 9. – С. 111.

Грен, А. Н. Зырянская (коми) литература / А. Н. Грен // Пермский краеведческий сборник. – Пермь, 1927. – Вып. 3. – С. 80–86.

Демин, В. Н. На небе звезда: Введение в теорию и историю коми поэзии / В. Н. Демин. – Сыктывкар, 1995. – 286 с.

Долеева, А. О. О «Каталоге книгам рукописным, употребляемым правоверными ойратами» Г. С. Лыткина / А. О. Долеева // Монголоведение. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 40–56.

Доронин, П. Г. Письменность и литература Коми до Октябрьской социалистической революции. Часть 1. Сыктывкар, 1965 / П. Г. Доронин // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 250.

Доронин, П. Г. Г. С. Лыткин / П. Г. Доронин // Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 289. Оп. 1. Д. 4.

Елисеев, В. В. Учитель учителей. К 175-летию со дня рождения Н.Ф. Бунакова / В. В. Елисеев // Начальная школа. – 2013. – 5. – С. 83–85

Ёгуш. Арся ном; Сьёлём пессьём // Коми сикт. – 1926. – Май 22 лун.

Жеребцов, И. «Безукоризненное служение науке» / И. Жеребцов // Связь времен. – Сыктывкар, 2000. – С. 187.

Жеребцов, И. Л. Деятельность Г. С. Лыткина в оценках советских исследователей и литературных критиков 1920–1930-х гг. / И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра УрО РАН. История и филология. – 2024. – № 6. – С. 43–49.

Жеребцов, И. Л. Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921 / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев. – Сыктывкар, 2001. – 320 с.

Жеребцов, И. Л. Их объединило краеведение / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев, Т. Л. Кузнецова. – Сыктывкар: Кола, 2008. – 112 с.

Забоев, А. Ученый, педагог, лингвист / А. Забоев // Войвыв кодзув. – 1971. – 5 №. – 58–60 л. б.

Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной, 1837–1905. – Санкт-Петербург, 1909. – 364 с.

Зоргенфрей, Г. Г. С. Лыткин. Библиографический очерк / Г. Зоргенфрей // Коми му. – 1927. – № 4–5. – С. 47–49.

Зырянин, И. С. Л. Тотьма: путевые замечания в трех письмах / Зырянин, И. С. Л. // Лучи. – 1853. – № 3. – С. 162–167; – № 5. – С. 303–310; – № 7. – С. 8–11. История калмыцкой литературы. – Элиста, 1981. – Т. 1. – 336 с.

История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т. 1. – 544 с.

Коми литература. – Сыктывкар, 1995. – 368 с.

«Короткое» дело с длинным названием / публ. И.Н. Костроминой // Красное знамя. – 1989. – 13 августа.

Костромина, И. Коді медводз комиодіс Пушкинӧс / И. Н. Костромина // Войвыв кодзув. – 1983. – 11 №. – 50 л. б.

Костромина, И. Н. О словарях Г. С. Лыткина / И. Н. Костромина // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. – Сыктывкар, 1984. – С. 114–129.

Костромина, И. Медводдза коми ученй-лингвист / И. Костромина // Войвыв кодзув. – 1985. – 6 №. – 40–44 л. б.

Костромина, И. Первый труд по истории Коми / И. Костромина // Связь времен. – Сыктывкар, 2000. – С. 153.

Котылев, А. Ю. Этнокультурная идентификация коми интеллектуала XIX века. Жизнь и творчество Г. С. Лыткина / А. Ю. Котылев // Человек. Культура. Образование. – 2015. – № 4 (18). – С. 6–19.

Курапов, А. А. Материалы по истории калмыцкого народа XVII – начала XX в. в фондах Государственного архива Астраханской области / А. А. Курапов // История и архивы. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 149–165.

Лебедев, С. В. Николай Фёдорович Бунаков (1837–1904) (К 175-летию со дня рождения) / С. В. Лебедев // Историко-педагогический журнал. – 2012. – № 3. – С. 13–19.

Лейман, И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX века / И. И. Лейман. – Сыктывкар, 2019. – 232 с.

Лейман, И. И. Благотворительная деятельность провинциального купечества в середине XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг.) / И. И. Лейман // Известия Коми научного центра УрО РАН. История и филология. – 2020. – № 5. – С. 75–82.

Лейман, И. И. Предпринимательство купечества Европейского Севера России во второй трети XIX века: возможности и риски (на примере Вологодской губернии) / И. И. Лейман // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2023. – № 5. – С. 82–88.

Лейман, И. И. Коми купечество уездного города Усть-Сысольска в конце XVIII – XIX вв. (на примере семьи Латкиных) / И. И. Лейман // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 233–241.

Лимерова, В. А. Рецепция русского пространства в тексте коми литературы: путевые заметки Г. С. Лыткина «Тотьма» / В. А. Лимерова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 49–59.

Лимерова, В. А. Лыткин Георгий (Юрий, Егор) Степанович / В. А. Лимерова // Писатели Коми: биобиблиографический словарь. – Сыктывкар, 2017. – С. 609–619.

Лобанова, Г. Н. Учитель учителей – Н. Ф. Бунаков / Г. Н. Лобанова // Начальная школа. – 1997. – № 11. – С. 88–92.

Лудыкова, В. М. Роль Г. С. Лыткина в развитии коми языкознания / В. М. Лудыкова // Вопросы финно-угорской филологии. – Сыктывкар, 2010. – Вып. 1. – С. 5–15.

Лунный свет: калмыц. историко-лит. памятники / ред.-сост. А. В. Бадмаев. – Элиста, 2003. – 475 с.

Лыткин, В. И. Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) / В. И. Лыткин // Советское финно-угроведение. – 1975. – № 4.

Лыткин, В. И. У истоков коми литературного языка (о деятельности Г. С. Лыткина) / В. И. Лыткин // Север. – 1976. – № 5. – С. 125–128.

Лыткин, В. Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) / В. Лыткин, В. Демин // Писатели Коми. – Сыктывкар, 1996. – Т. 1. – С. 352–362.

Лыткин, Г. С. Исторический очерк письменности монголов и ойратов / Г. С. Лыткин // Астраханские губернские ведомости. – 1859. – 7 авг.; 14 авг.

Лыткин, Г. С. Сказание о Дербен-Ойратах, Койон-Батур, Убуши Тюмень / Г. С. Лыткин // Астраханские губернские ведомости. – 1859. – 23 окт.; 20 нояб.; 27 нояб.; 4 дек.; 11 дек.; – 1860. – 11 марта; 18; 25 марта.

Лыткин, Г. С. История калмыцких ханов / Г. С. Лыткин // Астраханские губернские ведомости. – 1860. – 6 апр.; 24 июня; 12 авг.; 23 сент.; 21 окт.; 28 окт.; 18 нояб.; 3 дек.; 16 дек.; 23 дек.; 30 дек.

Лыткин, Г. Материалы для истории ойратов / Г. Лыткин // Астраханские губернские ведомости. – 1860. – 4 нояб.; 11 нояб.

Лыткин, Г. С. Материалы для истории ойратов / Г. С. Лыткин. – Астрахань, 1860.

Лыткин, Г. С. Материалы для истории ойратов и их письменности / Г. С. Лыткин // Астраханские губернские ведомости. – 1861. – 17 февр.; 24 февр.; 31 марта; 14 апр.; 21 апр.; 5 мая; 19 мая; 2 июня; 30 июня; 7 июля; 14 июля; 21 июля.

Лыткин, Г. С. Начатки оседлой домовитости у приволжских ойратов Хошоутовского улуса / Г. С. Лыткин // Волга. – 1862. – № 45, 46.

Лыткин, Г. С. Поездка в калмыцкие степи / Г. С. Лыткин // Волга. – 1862. – № 57, 102.

Лыткин, Г. С. Лесоразведение в Хошоутовском улусе / Г. С. Лыткин // Волга. – 1862. – № 98.

Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык / Г. С. Лыткин. – Санкт-Петербург, 1889. – 411 с.

Лыткин (Георгий Степанович) // Энциклопедический словарь / Издатель Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург, 1896. – Т. 18. – С. 133.

Лыткин Георгий Степанович (1835–1907) // Ученые – исследователи Калмыкии (XVII – начало XX века). Биобиблиографический указатель. – Элиста, 2006. – С. 131–140.

Лыткин Георгий Степанович (1835–1907) // URL: <https://imena.nbrkomi.ru/person/id/73>

Лыткин Степан-Егөр // Коми гижысьяс / Лосьодіс Илля Вась. – Москва, 1926. – 9–24 л. б.

Манджиева, З. И. Архивные записи Г. С. Лыткина как источник по этнографии калмыков XIX в. / З. И. Манджиева, С. В. Мирзаева // Монголоведение. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 57–82.

Мартынов, В. И. На ниве российского просветительства / В. И. Мартынов // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья. – Ижевск, 1991. – С. 151–167.

Мартынов, В. И. Лыткин Георгий (Юрий, Егор) Степанович (Ёгуш, Кача Степан Пи Ёгуш) / В. И. Мартынов // Мартынов В. И. Литераторы земли Коми. – Сыктывкар: Эском, 2000. – С. 100–102.

Мацук, М. А. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX веке / М. А. Мацук, В. В. Шаньгина. – Сыктывкар, 1996. – 213 с.

Микушев, А. К. Коми литература и народная поэзия / А. К. Микушев. – Сыктывкар, 1961. – 128 с.

НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1275.

НАРК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 5.

Очирова, Н. Г. Зая-пандита – духовный реформатор монгольских народов (1599–1662 гг.) / Н. Г. Очирова, Бо Менгкай // Известия СОИГСИ. – 2020. – № 38. – Стр. 14–23.

Очирова, Н. Г. Хранитель духовного наследия калмыцкого народа (к 80-летию со дня рождения А. В. Бадмаева) / Н. Г. Очирова // Бадмаев Андрей Васильевич: вклад в сохранение письменного наследия калмыцкого народа». – Элиста, 2019. – С. 12–17.

Пантелеев, Л. Ф. Памяти Н. Г. Чернышевского / Л. Ф. Пантелеев // Голос минувшего. – 1915. – № 1. – С. 192–202.

Письмо в редакцию «Русского Мира» // Русский Мир. – 1859. – № 41.

Плосков, И. Георгий Лыткинлөн поэзия / И. Плосков // Войвыв кодзув. – 1999. – 6 №. – 77–80 л. б.

Плосков, И. А. Егушлөн серпаса, кывбура гижодъяс / И. А. Плосков, Е. А. Цыпанов // Коми гижан культура паньсыяс. – Сыктывкар, 2002. – 74–83 л. б.

Погодин, М. П. Астрахань. Из дорожных записок М. П. Погодина, в 1861 году / М. П. Погодин // Всемирный труд. – 1867. – Май. – С. 127–158.

Подоров, В. М. Г. С. Лыткин, как идеолог русского великодержавного национализма / В. М. Подоров // Подоров В. М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). – Сыктывкар, 1933. – Т. 2. – С. 69–77.

Поппе, Н. Н. Этнографическое изучение финноугорских народов СССР / Н. Н. Поппе // Финноугорский сборник. – Ленинград, 1928. – С. 55. – С. 27–76.

Решетов, А. М. К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа / А. М. Решетов // Mongolica–V: Сб. ст. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2001. – С. 6–14.

Сазыкин, А. Г. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук / А. Г. Сазыкин // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 7–21.

Сангаджиева, В. Б. Калмыцкий след в творчестве коми поэта и учёного Георгия Лыткина / В. Б. Сангаджиева // Известия Общества изучения Коми края. – 2012. – № 12. – С. 179–183.

Сангаджиева, В. Б. Рукопись «История калмыцких ханов» в переводе коми учёного Г. Лыткина / В. Б. Сангаджиева // География Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее: материалы III Республ. науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 2016. – С. 141–145.

Сангаджиева, В. Б. Наследие Георгия Лыткина в историческом прошлом калмыцкого народа / В. Б. Сангаджиева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 6, ч. 4. – С. 22–25.

Сказание о дербен ойратах, составленное нойоном Батур Убуши-Тюменем / перевод и предисловие Ю. Лыткина. – Астрахань, 1860. – 57 с.

Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки). – Сыктывкар, 2020. – 664 с.

Сурина, Л. И. Михаил Николаевич Латкин / Л. И. Сурина. – Сыктывкар, 2013. – 44 с.

Терюков, А. И. История этнографического изучения народов коми / А. И. Терюков. – Санкт-Петербург, 2011. – 514 с.

«Труд преодолевает всё» (Из дневника Г.С. Лыткина) / публ. И. Н. Костроминой // Известия Общества изучения Коми края. – 2004. – № 2. – С. 89–99.

Туркин, А. И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович / А. И. Туркин // Коми язык. Энциклопедия. – Москва, 1998. – С. 243–246.

Туркин, А. И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович / А. И. Туркин // Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1999. – С. 239.

Успенский, В. Л. Монгольские рукописи и ксилографы / В. Л. Успенский // Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2014. – 175 с.

Успенский, В. Л. Архивные материалы по истории волжских калмыков из фондов библиотеки Санкт-Петербургского университета / В. Л. Успенский // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2000. – С. 28–41.

Цыпанов, Е. А. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович / Е. А. Цыпанов // Исследователи коми языка: библиограф. словарь. – Сыктывкар, 2017. – С. 164–167.

Четырова, Л. Б. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников) / Л. Б. Четырова // Розенберговский сборник: восточноведные исследования и материалы. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 353–364.

Чеусов, А. К. воспоминаниям о Георгии Степановиче Лыткине / А. К. Чеусов // Коми му. – 1924. – № 4–6. – С. 43–44.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ДЕТСКИЕ ГОДЫ (1835–1848)	5
В ВОЛОГОДСКОЙ ГИМНАЗИИ (1848–1854)	9
Г. С. ЛЫТКИН – СТУДЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	15
ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАЛМЫКИЮ	31
В ПЕТЕРБУРГЕ (1861–1907).....	39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	43
ЛИТЕРАТУРА	44

Игорь Любомирович Жеребцов

**КОМИ УЧЕНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ ЛЫТКИН:
МЕЖДУ ФИННОУГРОВЕДЕНИЕМ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕМ**

*Материалы к VII Международному научному форуму
«Сетевое востоковедение»
(Элиста, 24–25 октября 2024 г.)*

*Материалы к научным конференциям
Выпуск 54*

Печатается по решению Совета Отделения
Российского исторического общества в Республике Коми.

Оригинал-макет Н. К. Забоевой.

Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 3,25. Уч.-изд. л. 3,16.
Тираж 300. Заказ № 159.

Информационно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.